

вѣсно, какъ они распоряжаются со своими покойниками. Это обстоятельство подало поводъ къ толкамъ у сосѣдей, что часто запоздалые путники, находившіе на ночь пристанище въ туркменскихъ деревняхъ, оттуда не выходили болѣе и слѣды ихъ пропадалъ.

При томъ небольшомъ населеніи, которое находится въ названныхъ санджакахъ, весьма знаменательнымъ явленіемъ служить то обстоятельство, что здѣсь насчитывается болѣе 40 мечетей (42). Почти при каждой мечети непременно есть училище (медрессе); собирающимся тутъ мальчикамъ муллы преподають *коранъ*, *мусафъ* (молитвы) и *ишя* (что-то въ родѣ нисъмовника); въ нѣкоторыхъ деревняхъ учать тому же и по домамъ.

Мы уже видѣли, что въ Дюзъ-Ардаганъ и въ долину Кара-Чая хлѣбъ родится въ изобиліи и богато вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, тогда какъ въ остальныхъ мѣстахъ трехъ санджаковъ имѣются прекрасныя средства для скотоводства. Хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ почти и ограничивается промышленная дѣятельность здѣшняго населенія. Если же къ тому прибавить, что жители выдѣлываютъ, исключительно для собственнаго употребленія, грубыя сукна, въ небольшомъ числѣ незатѣйливыя ковры и войлоки, то здѣшняя промышленность будетъ вполне охарактеризована.

Ардаганскій санджакъ всегда считался житницею для Карса и окрестныхъ малопродуктивныхъ мѣстъ, съ которыми онъ и ведетъ торговлю хлѣбомъ. Точно также и скоть сбывается въ ближайшіе санджаки; чалдырцы же гонять его даже до Тифлиса. Нѣсколько важнымъ торговымъ пунктомъ считается Ардаганъ. И дѣйствительно, находясь на пересѣченіи дорогъ изъ Эрзерума въ Ахалцыхъ и изъ Батума въ Карсъ, онъ служитъ сладочнымъ мѣстомъ эрзерумскихъ и батумскихъ товаровъ, преимущественно матерій, табаку, отчасти вина. Почти всѣ эти товары направляются исключительно на Ахалцыхъ и Ахалкалаки; мѣстные же жители приобрѣтають необходимыя имъ предметы въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Въ Ардаганѣ считалось въ 1855 г. до 30 лавокъ, изъ которыхъ двѣ трети принадлежали завѣжимъ купцамъ. Для опредѣленія торговыхъ его оборотовъ намъ не представилось, къ сожалѣнію, возможности собрать необходимыя данныя: этими свѣдѣніями купцы турецкіе, конечно, не подѣлились бы; да кромѣ того, въ 1855

году и торговля не находилась, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, въ нормальномъ положеніи.

Здѣшняя мѣстность можетъ быть названа мѣстностію развалинъ. О многочисленныхъ развалинахъ церквей мы уже говорили. Неменьше развалинъ крѣпостей и башенъ. Зачѣмъ онѣ строились — узнать теперь нельзя; поэтическія преданія о некоторыхъ изъ нихъ еще болѣе могутъ сбить съ толку предположенія. Но изъ того, что онѣ были строимы по преимуществу въ теперешнихъ путей сообщенія и исключительно въ мѣстахъ неприступныхъ, можно догадываться, что онѣ имѣли единственною цѣлю — укрытія при нападеніи хищниковъ. Построены крѣпости и башни въ незапамятныя времена: преданіе приписываетъ сооруженіе большинства изъ нихъ, равно и церквей, грузинской царицѣ Тамарѣ (царствовавшей съ 1184 по 1244 г.). Подобное преданіе, существующее въ отношеніи многихъ древнихъ построекъ и на Кавказѣ, уже тѣмъ самымъ подрываетъ вѣру въ него. Но вотъ важное обстоятельство. Между развалинами церкви въ д. Кирзѣанъ (въ Гѣлѣ) найденъ обломокъ камня, обращенный на украшеніе каминна одного изъ жителей деревни; на этомъ обломкѣ есть часть надписи по-грузински, гласящая: „Тамара—дедопалъ (мать, матушка) построила эту церковь передъ походомъ противъ турокъ....“ Это передавалъ намъ начальникъ казачьяго развѣзда, родомъ грузинъ. Къ сожалѣнію, не представилось возможности сдѣлать снимокъ съ такого документа. Къ числу древнихъ построекъ принадлежитъ и ардаганская крѣпость, о которой подробнѣе будетъ сказано ниже.

Прежде, какъ видно изъ развалинъ, здѣсь возводились постройки, возвышавшіяся надъ окружающею мѣстностію; теперь происходитъ нѣсколько обратное: большинство жилищъ составляетъ родъ землянокъ, или вовсе скрывающихся въ землѣ или едва на половину изъ нея выглядывающихъ. Приближаясь въ сумерки къ здѣшней деревнѣ, о существованіи ея часто можно узнать только по лаю собакъ; а о томъ, гдѣ находится жилье, догадываешься лишь по свѣтящему изъ каминной трубы огоньку или по крику испуганныхъ обитателей, когда верхомъ взѣдешь, ничего не подозревая, на подобный домъ. По преимуществу въ ардаганскомъ санджакѣ встрѣчаются отступленія отъ такого правила: тамъ чаще можно найти и деревянные постройки, въ родѣ домовъ, тогда какъ землянки всѣ сооружены

изъ камня. Смотри на здѣшнія жилища, нельзя не согласиться, что турецкое правительство право, считая населенность деревень и раскладывая нѣкоторыя повинности не по *домамъ* или *дворамъ*, а по *дымамъ*.

Въ описываемой нами мѣстности городовъ нѣтъ. Хотя самый важный здѣсь пунктъ, Ардаганъ, и называется иными изъ жителей городомъ, потому что къ нему ведутъ два деревянные черезъ Куру (*) моста, въ немъ 7 мечетей, 2 бани, 4 кофейни (самаго неприхотливаго устройства); но его скорѣе можно признать торговымъ мѣстечкомъ, имѣющимъ въ окружности, вмѣстѣ съ крѣпостію, около версты и заключающемъ въ себѣ, вмѣстѣ съ лежащимъ на правомъ берегу Куры предмѣстьемъ, 150 дымовъ. Самые большія деревни здѣсь не имѣютъ болѣе 60 дымовъ; деревня въ 20 дымовъ считается уже большою. Всѣхъ деревень въ трехъ санджакахъ въ 1865 г. было 191, съ 1,761 дымомъ, изъ которыхъ на каждый приходилось съ небольшимъ пять душъ.

Въ заключеніе нашего очерка о трехъ санджакахъ: гѣльскомъ, ардаганскомъ и чалдырскомъ, бросимъ взглядъ на административное ихъ устройство и на повинности здѣшнихъ жителей, хотя то и другое, безъ сомнѣнія, одинаково какъ въ этихъ санджакахъ, такъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ Азиатской Турціи.

Выше мы уже говорили о значеніи санджака по отношенію его къ пашалыку (**). Санджакъ управлялся *санджака-бекомъ*, носившимъ названіе *мудира*. Эта должность прежде была насльдственнойю, но въ сороковыхъ годахъ правительство при-

(*) Кура называется здѣсь *Ардаганъ-Чагмъ*. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что здѣшнія рѣки называются по стоящимъ на нихъ болѣе важнымъ пунктамъ, такъ что одна и та же рѣка имѣетъ не по одному только имени. Для названія рѣки, къ имени города или деревни прибавляется *чай* (рѣка) или *су* (вода).

(**) Въ настоящее время, въ административномъ дѣленіи Турціи произошла перемена. Теперь въ Азиатской Турціи, вмѣсто прежнихъ пашалыковъ съ ихъ подразделеніемъ на санджаки, явились, какъ и въ Европейской Турціи, *виллаѣты*, т. е. генералъ-губернаторства, подраздѣляющіяся на санджаки или *лимы*, которые, въ свою очередь, дѣлятся на *казы*. Виллаѣты заключаютъ въ себѣ громадныя пространства; нынѣшніе санджаки также увеличались въ своемъ объемѣ и получили полное значеніе губерній, тогда какъ прежніе санджаки обратились въ *казы*, или *уэды*.

Такимъ образомъ, вмѣсто многихъ пашалыковъ, прилегавшихъ къ занавкаскому краю, появился теперь одинъ виллаѣтъ *эрзерумскій*, а санджаки, очеркъ которыхъ мы представили, преобразились въ *казы* и составляютъ части новой *лимы Чалдыръ*, заключающей въ себѣ 11 *казъ*.

своило себѣ право назначать мудировъ по своему усмотрѣнію. Хотя мудиръ санджакъ и находился въ полной зависимости отъ ольтинскаго паша, отъ котораго зависѣло и самое ихъ назначеніе, тѣмъ не менѣе здѣшніе санджакъ-беки постоянно были назначаемы изъ однѣхъ и тѣхъ же семействъ по нисходящей линіи; только при неимѣніи мужскаго потомства у мудира, его званіе переходило къ старшему его брату. Такимъ образомъ, бывшіе мудирами во время вступленія въ Турцію нашихъ войскъ въ 1855 г. наследовали свое званіе: ардаганскій и гѣльскій отъ ихъ отцовъ, а чалдырскій отъ брата.

Въ рукахъ санджакъ-бека сосредоточивались власти исполнительная и распорядительная, а также дѣла уголовныя. Распоряженія мудира приводились въ исполненіе посредствомъ особыхъ лицъ (эсауловъ, завтрія), при немъ постоянно находившихся, и чрезъ старшинъ, управлявшихъ сельскими обществами.

Власть судебная, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, также распределеніе рекрутской повинности, въ санджакъ принадлежить *меджелису*, состоящему изъ муфтіа (духовная особа), кадіа (судья) и четырехъ лицъ, избираемыхъ сельскими обществами. Дѣйствія меджелиса были независимы отъ санджакъ-бека, но это, конечно, существовало только въ теоріи. Меджелису въ этихъ санджакъ не подчинялись туркмены въ Меша-Ардаганъ, которыми управлялъ свой особый старшина, подъ личнымъ вѣдѣніемъ санджакъ-бека. Члены меджелиса получали, равно какъ и мудиръ, содержаніе отъ правительства.

Подати и налоги были трехъ родовъ: денежный сборъ — *сальянъ* — смотря по зажиточности жителей отъ 30 до 45 курушей (курушь = 5 к.) съ каждаго дыма; десятина урожая — *баира* — превращаемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ съ сѣна) въ денежную, и такъ называемые мелочные доходы — *кѣда* — сборъ съ дойныхъ коровъ, меду и проч. Изъ всѣхъ этихъ повинностей курды платили одинъ только сальянъ, какъ люди по преимуществу ведущіе кочевую жизнь.

Обратимся теперь къ отряду, готовившемуся изъ Ахалкалакъ идти въ турецкіе предѣлы. Припомнимъ, что отрядъ, направляясь на соединеніе съ главными силами, долженъ былъ предварительно сдѣлать поискъ къ кр. Ардагану. Если припомнимъ также, что изъ ахалцхскаго уѣзда въ Ардагану ве-

дуть двѣ дороги, почти равныя между собою по разстоянію, отъ нашихъ границъ до этого пункта, и что въ Ахалкалакахъ были сосредоточены уже раньше почти всѣ силы, прелназначенныя для наступленія (*), то станетъ яснымъ, почему главнокомандующій избралъ для движенія отряда къ Ардагану путь, ведущій къ нему по правому берегу Куры, не говоря уже о томъ, что эта дорога не представляетъ для слѣдованія по ней тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются при переходѣ чрезъ Угарь.

По распоряженію генерала Ковалевскаго, отрядъ 26-го мая сосредоточился у Карзаха, находящагося верстахъ въ 12 отъ границы, составляя силу въ 10 баталіоновъ пѣхоты (**), 12 орудій и 5 сотенъ казаковъ; изъ послѣднихъ четыре сотни сдѣлали въ предшествовавшіе два дня 100 верстъ переходу. Для отряда былъ приготовленъ 14-дневный запасъ сухарей; для этого, кромѣ войсковаго обоза, назначено было, по наряду отъ жителей ахалкалакскаго участка, 52 воловьихъ подводъ и 52 вьючныя лошади. Въ общей сложности составилсѣ обозъ въ 309 повозокъ и 185 вьюковъ—обозъ громадный для такого отряда и чрезвычайно затруднявшій впоследствии его движенія.

Послѣ молебствія утромъ 27-го мая, отрядъ выступилъ въ походъ. По приближеніи къ подъему на Арджанъ, пошелъ дождь (***) съ сильнымъ градомъ (величиною въ голубиное яйцо), и тутъ выказалась вполнѣ вся невыгода большаго обоза. Трудная сама по себѣ, дорога разгрязнилась и за отрядомъ могли слѣдовать только одни патронные ящики, артельныя телеги и часть вьюковъ.

Сдѣлавъ переходъ всего въ 22 версты, авангардъ былъ уже

(*) Предполагая изъ ахалкалакскаго отряда, усиленнаго Виленскимъ полкомъ, употребить большую часть для наступательнаго движенія, главнокомандующій, для обезпеченія Боржомскаго ущелья и образованія резерва ахалцыхскому отряду, направилъ изъ окрестностей Тбилиса въ Боржомъ резервные баталіоны грузинскій и кавказскій, при дивизионѣ резерв. батар. батареи 19-й арт. бригады; послѣдній и былъ теперь пригнать въ Ахалкалаки.

(**) Находяшіеся въ составѣ главныхъ силъ полки пѣхоты были нѣсколько измѣнены въ своемъ составѣ. Именно, гренадерскія и карабинерныя роты были отдѣлены отъ своихъ баталіоновъ и образовали пятые баталіоны въ своихъ полкахъ. Такъ какъ Рязанскій и Виленскій полки должны были вступить въ составъ главныхъ же силъ, то и въ нихъ изъ четырехъ баталіоновъ сформированы, передъ походомъ въ Турцію, еще пятые баталіоны.

(***) Изъ сдѣланнаго выше очерка мѣстности, въ которую вступала нашъ отрядъ, видно, что онъ попалъ туда какъ разъ въ періодъ дождей.

въ три часа пополудни на мѣстѣ ночлега въ чалдырскомъ санджакѣ (у д. Зурзуны); Рязанскій полкъ, съ прикрываемой имъ частью обоза, стянулся къ мѣсту ночлега только къ семи часамъ вечера; Виленскій же полкъ вовсе не успѣлъ до наступленія ночи спуститься, съ состоявшимъ подъ его прикрытiемъ обозомъ, съ горы Арджанъ, и, ночевавъ на перевалѣ, присоединился къ отряду только утромъ слѣдующаго дня.

На мѣстѣ ночлега отрядъ расположился кареемъ, составленнымъ изъ баталіоновъ въ колоннахъ къ атакѣ, между которыми была поставлена артилерія; въ серединѣ каре помѣстился обозъ и казаки. Такой порядокъ расположенія на ночлегѣ—слѣдствіе возможности быть атакованнымъ со всѣхъ сторонъ.— не измѣнялся во все время похода, напоминая собою чеченскія зимнія экспедиціи.

Тотчасъ по прибытіи отряда къ д. Зурзунамъ, явились къ начальнику отряда изъ окрестныхъ деревень старшины, изъявляя покорность и прося покровительства противъ своихъ же соотчичей — баши-бузуковъ. Припоминая сказанное выше о дѣйствіяхъ чалдырскихъ карапаховъ въ ахалкалакскомъ участкѣ въ предшествовавшіе два года войны—ихъ грабежи — станеть понятнымъ, что старшины являлись въ нашъ лагерь съ большимъ страхомъ, опасаясь, чтобъ къ жителямъ чалдырскаго санджака не было примѣнено древнее изреченіе „око за око и зубъ за зубъ“ — правило, постоянно соблюдаемое турками. Ласка, оказанная генераломъ Ковалевскимъ старшинамъ, и его увѣренія, что никакихъ обидъ и притѣсненій жителямъ не будетъ дѣлаемо войсками, были причиною, что во всѣхъ деревняхъ санджака жители остались на своихъ мѣстахъ и даже въ отрядъ явились вскорѣ различные торговцы съ предметами мѣстнаго произведенія: молокомъ, сыромъ и пр.

Мудиръ чалдырскаго санджака, при приближеніи нашихъ войскъ, оставилъ свое мѣстопробываніе и удалился на югъ Чалдыръ-Гѣля; поэтому, по предложенію начальника отряда, чалдырскими жителями былъ выбранъ новый санджакъ-бекъ, подпоручикъ русской милиціи, житель ахалкалакскаго участка.

Проведенная у д. Зурзуны ночь была весьма долго памятна отряду. Обозъ съ палатками остался на Арджанѣ, кругомъ — ни прутика, чтобъ сдѣлать шалаши. Между тѣмъ начался сильнѣйшій дождь, очень холодный. Укрыться отъ него совершенно не было возможности. Только начальникъ отряда могъ нѣ-

ожило защититься отъ лившаго всю ночь дожда подъ своей походной повозкой; быть можетъ, удалось то же сдѣлать ротнымъ артельщикамъ; но всѣмъ остальнымъ приходилось лежать въ грязи и закрываться чѣмъ попало изъ походнаго своего гардероба. Дождь и холодъ такъ пронялъ многихъ, что поутру у большинства зубы выдѣлывали такія же трели, какія исполняли своимъ клювомъ сосѣди-аисты, встрѣчаемые здѣсь на каждомъ шагу.

Не вполне удобная для колеснаго обоза, дорога предшествовавшими дождями сильно испортилась. При всякомъ подъемѣ и спускѣ, для обоза требовалось пособіе людей; безпрестанно происходила перепряжка, чтобъ ввозить на гору казенныя повозки усиленнымъ числомъ лошадей. Только однѣ артельныя телеги да туземныя арбы не требовали себѣ особой помощи. Понятно, что при такихъ условіяхъ движеніе отряда было весьма медленное въ слѣдующіе отъ Зурзуны два перехода. Послѣдній — къ д. Ольчеку — былъ въ особенности затруднителенъ, и отрядъ 20 верстъ перехода сдѣлалъ едва въ 15 часовъ марша. Дождь оба дня съ пережками продолжался, но на ночлегахъ мы уже не особенно терпѣли отъ него, укрытые въ палаткахъ.

Во время движенія къ Ольчеку (*), 28-го мая, были получены отъ лазутчиковъ слѣдующія свѣдѣнія: что въ Ардаганѣ находится паша, которому ввѣрена оборона крѣпости; что муръ чалдырскій собираетъ милицію изъ окрестныхъ санджакъ, стягивая ее къ Ардагану въ числѣ болѣе 9,000; что жители не хотятъ защищать Ардагана, не надѣясь на успѣхъ обороны и опасаясь ею навлечь на себя мщеніе русскихъ; что внутренность ардаганской крѣпости съ праваго берега Куры совершенно открыта для дѣйствія по ней артилеріи; что весь провіантъ, заготовленный въ Ардаганѣ для турецкихъ войскъ, уже вывезенъ оттуда въ Карсъ.

Такия свѣдѣнія не указывали на вѣроятность сильнаго сопротивленія турокъ въ Ардаганѣ; можно было рассчитывать, что извѣстія о числѣ милиціи преувеличены; поэтому даже являлось сомнѣніе, чтобъ турки рискнули вступить съ нами въ бой. Все это давало возможность генералу Ковалевскому идти на

(*) Д. Ольчезъ находится въ 17 верстахъ отъ Ардагана, на поворотѣ съ ахалаалако-ардаганской дороги на ардаганско-карскую, который выходитъ къ Озеру-Ага.

поискъ къ Ардагану не со всѣмъ отрядомъ, а оставивъ часть его для прикрытія обоза, съ остальными двинуться туда на легкѣ. Обозъ оставленъ былъ на мѣстѣ ночлега подъ прикрытіемъ половины пѣхоты, 6 орудій и одной сотни казаковъ; начальство надъ этимъ вагенбургомъ поручено было командиру Виленскаго полка. Назначеннымъ для поиска войскамъ приказано было оставить старыхъ и слабосильныхъ солдатъ въ вагенбургѣ, чтобъ не было отсталыхъ, хотя это сильно не нравилось оставляемымъ; солдаты должны были идти безъ ранцевъ, имѣя съ собою четырехдневный запасъ сухарей и шанцевый инструментъ; изъ колеснаго обоза взяты только 4 лазаретныя фуры; для артельныхъ котловъ, крупы и сала назначены въючныя лошади.

Рано утромъ, 30-го мая, отрядъ двинулся къ Ардагану. Безъ обоза и ранцевъ, солдаты шли чрезвычайно быстро; къ тому же и мѣстность не представляла здѣсь затрудненій для движенія. Мы уже прошли семь верстъ, до Ардагана оставалось верстъ десять, но никакихъ признаковъ непріятеля не видно. Вскорѣ все объяснилось: не доходя девять верстъ отъ Ардагана, мы были встрѣчены старшинами и почетными ардаганскими жителями, изъявлявшими покорность русскому отряду и сообщившими, что мудиръ ардаганскій ушелъ съ своей милиціей въ Ольту, а чалдырскій въ Гѣля. Генераль Ковалевскій черезъ переводчика объявилъ старшинамъ и жителямъ, вышедшимъ намъ на встрѣчу, что управление ихъ и собственность каждаго останутся неприкосновенными; что мирные жители могутъ ожидать отъ насъ скорѣе защиты, чѣмъ какихъ-либо притѣсненій. Пока происходила эта сцена, прискакалъ запыхавшійся всадникъ, привезшій замокъ съ ключемъ отъ ардаганской крѣпости. По своему виду, этотъ снарядъ былъ совершенно похожъ на тѣ замки, которыми обыкновенно турки запираютъ амбары; и потому явились маловѣры, заподозрѣвшіе принадлежность замка крѣпости; на бѣду, и впоследствии никому не пришло въ голову справиться, есть ли въ крѣпостныхъ воротахъ приспособленія для подобнаго орудія.

Въ полдень отрядъ былъ у Ардагана. Одинъ баталіонъ назначенъ для занятія крѣпости, остальные войска расположились вблизи по карской дорогѣ бивуакомъ. Вступленіе въ городъ было довольно торжественное. Хотя и нашлись въ свѣтъ генерала Ковалевскаго личности, которыя, горя нетерпѣніемъ по-

скорѣ увидѣть турецкую крѣпость, едва не опередили его, но онъ осадилъ такихъ нарушителей торжества, сказавъ: „въ конто вѣки пришлось челоуѣку поважничать, да и тутъ мѣшаютъ!“ Всѣ жители высыпали намъ на встрѣчу; лавки были заперты, но не для торжества, а въ видѣ предосторожности: оставляя крѣпость при приближеніи отряда, башни-бузуки начали было грабить торговцевъ. Видя же съ нашей стороны полное отсутствіе такихъ же покушеній, лавки вскорѣ открылись и мы имѣли удовольствіе закупить различной дряни на память, платя за все, какъ оказалось потомъ, въ тридорога.

По осмотрѣ крѣпости, начальникъ отряда убѣдился въ справедливости прежнихъ свѣдѣній о невозможности защищаться въ крѣпости. Старинная крѣпость Ардаганъ, расположенная на лѣвомъ скалистомъ берегу Куры и представляющая неправильную трапецію, очень невелика: сѣверная и западная стороны имѣютъ всего около 80 саженъ; восточная 45, южная, идущая изгибомъ, около 100 саженъ. Она состоитъ изъ высокихъ и толстыхъ (до $3\frac{1}{2}$ саженъ высоты и отъ 9 до 11 фут. толщины), каменныхъ стѣнъ съ башнями, приспособленными только къ ружейной оборонѣ. Южная стѣна идетъ по низменному берегу Куры и нисколько не закрываетъ внутренности крѣпости съ этой стороны, такъ что еслибъ пришлось оборонять крѣпость отъ артилерійскаго огня, то было бы необходимо, параллельно южной стѣнѣ, на вершинѣ возвышенности, устраивать валъ. Этимъ валомъ крѣпость была бы раздѣлена на двѣ части, верхнюю и нижнюю, какъ она теоретически, по названію, и дѣлилась въ то время турками. Здѣсь была когда-то цитадель, но во время занятія ея ахалцыхскимъ отрядомъ отъ нея виднѣлись однѣ только развалины. Въ крѣпости слѣдуетъ замѣтить особые выступы въ стѣнахъ, имѣющіе болѣе 3 саженъ толщины; для чего устроены они, догадаться было нельзя.

Едва-ли турки и разсчитывали много на крѣпостныя стѣны, которыя при нашемъ вступленіи въ крѣпость были усѣяны только гнѣздами аистовъ, спокойно смотрѣвшихъ на новыхъ обладателей изъ своего стариннаго пристанища. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ турецкимъ войскамъ пришлось защищаться здѣсь, то они болѣе всего понадѣялись бы на полевые укрѣпленія, которыя были расположены на высотахъ къ сѣверу и къ востоку отъ крѣпости. Эти укрѣпленія, въ числѣ восьми (шесть бата-

рей и два редута), очень хорошо могли обстрѣливать дороги, ведущія изъ Ахалцыха и Ахалкалакъ.

Главнокомандующій предоставилъ усмотрѣнiю генерала Ковалевскаго занять кр. Ардаганъ или нѣтъ. Но изъ сказаннаго выше ясно, что оставлять небольшую часть войскъ въ крѣпости, вдали отъ другихъ войскъ, было не только бесполезно, но даже опасно; приводить же ее въ сколько-нибудь удобное для обороны положенiе требовало чрезвычайно много времени и работъ. Поэтому начальникъ отряда нашелъ болѣе полезнымъ взорвать сильнѣйшія части крѣпостныхъ стѣнъ и разрушить находившіяся около Ардагана полевые укрѣпленія.

Въ ночь на 31-е мая приступлено было къ устройству минъ въ стѣнахъ, для образованія брешей. Но произведенные утромъ 31-го мая взрывы не произвели желаемаго результата. Во время оного, какъ оказалось уже послѣ взрывовъ, при кладкѣ крѣпостныхъ стѣнъ, вдоль и поперекъ ихъ, были положены между камнями бревна, которые, сгнивъ, образовали въ стѣнахъ цилиндрическіе ходы, такъ что пороховые газы расходились по этимъ отверстіямъ, не причиняя самимъ стѣнамъ особаго вреда. Поэтому привелось довольствоваться образованіемъ небольшихъ отверстій въ стѣнахъ: на устройство же большихъ минъ подъ фундаментомъ не было средствъ. Утромъ 31-го были разрушены, хотя и не вполне, полевые укрѣпленія, отчасти войсками, отчасти самими жителями, которые передъ тѣмъ принимали участіе и въ возведеніи ихъ.

День 30-го мая былъ проведенъ подъ Ардаганомъ многими изъ отряда весело: у ардаганскихъ торговцевъ оказались запасы шампанскаго, портера и другихъ подобныхъ снадобій, привезенныхъ изъ Батума для торговли съ русскими же. Благо на товаръ этотъ турки и не очень дорожились. За то ночь была проведена подобно тому, какъ подъ д. Зурзунами: безъ всякаго крова, подъ сильнѣйшей грозой.

Въ два часа пополудни 31-го мая, отрядъ выступилъ изъ-подъ Ардагана къ своему вагенбургу. Тутъ присоединился къ намъ вечеромъ летучій отрядъ генераль-маіора Бакланова, высланный отъ главныхъ силъ и составленный изъ полка линейныхъ казаковъ, 2 дивизионовъ драгуновъ, при 4 казачьихъ орудіяхъ и конно-ракетной командѣ.

Оставалось нашему отряду присоединиться къ главнымъ силамъ, стоявшимъ отъ насъ въ трехъ небольшихъ пере-

ходякъ, и для того сначала перейти на земную карскую дорогу. Этотъ переходъ, отъ Ольчена къ д. Хась-Къвъ, былъ тяжелъ для отряда. Дорога, идя вначалѣ по ущелью, представляеть безиреставные подъемы и спуски, и вдобавокъ пересѣкаетъ нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ, которые надлежало проходить въ бродъ; вромѣ того, нужно было въ одномъ мѣстѣ засыпать щебнемъ небольшое болото. Понятно, что при нашемъ обозѣ нельзя было скоро идти по такой мѣстности, и потому отрядъ въ 14 часовъ марша сдѣлалъ всего 16 верстъ. За то слѣдующіе два перехода были очень легки. Только верстахъ въ 15 отъ Займа пришлось потерять часа три на спускъ и подъемъ обоза при переходѣ черезъ ущелье маленькаго ручья Су-ичанъ, образующаго здѣсь довольно большой водопадъ. Мы имѣли тутъ время полюбоваться водопадомъ, посмотрѣть на виднѣвшійся вправо, верстахъ въ 10, укрѣпленный карскій лагерь и на приближавшія къ нему наши главныя силы, которыя теперь стояли у Агджа-Кала и Займа (*). Последнюю половину послѣдняго перехода отрядъ двигался чрезвычайно быстро: мѣстность такъ благопріятствовала движенію, что обозъ шелъ по 10 — 15 повозокъ въ рядъ. Въ семь часовъ вечера 3-го іюня отрядъ нашъ прибылъ въ авангардный лагерь у Займа и расположился, сзади авангарда, флангомъ къ Карсъ-Чау.

Тотчасъ по приходѣ на мѣсто, генералъ Ковалевскій отправился въ Агджа-Кала (въ пяти верстахъ отъ Займа, гдѣ находились главныя силы), представляться къ главнокомандующему, сильно тревожимый мыслію: получить ли онъ какое назначеніе при главныхъ силахъ, или долженъ будетъ вернуться въ Ахалцыхъ. При такомъ настроеніи духа, Петръ Петровичъ забылъ и про трофей, доставшійся намъ въ Ардаганъ. Пришлось поправлять забывчивость: ардаганскій замокъ съ ключемъ былъ представленъ главнокомандующему завѣдывавшимъ ахалцыхскимъ отрядомъ (**). Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, спросившій сначала, почему *ключи* крѣпости пред-

(*) Эти два пункта находятся на Карсъ-Чау, на которомъ расположенъ и Карсъ, на сѣверо-востокъ отъ послѣдняго. Между Займомъ и Карсомъ, по прямой дорогѣ, верстъ 16.

(**) Изъ четырехъ отрядовъ, находившихся на кавказско-турецкой границѣ, только въ такъ называемомъ *дѣйствующемъ* корпусѣ былъ начальникъ штаба; въ остальныхъ же отрядахъ: врианскомъ, считавшемся частью дѣйствующаго корпуса, ахалцыхскомъ и гурійскомъ, какъ менѣе важныхъ, хотя и были начальники штабовъ, но они титуловались *завѣдывающими штабомъ*.

ставляются не на подносѣ, удовлетворился отвѣтомъ: „представляются въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ получены начальникомъ отряда“, и затѣмъ подробно разспрашивалъ объ ардаганской крѣпости, которую онъ хорошо помнилъ, бывши въ ней въ кампанію 1828 года.

Кстати сказать здѣсь про странную участь ардаганскаго замка. Обычай подносить ключи крѣпостей и городовъ побѣдителямъ существуетъ издавна и былъ всегда только эмблемой покорности, но нивагъ не матеріальнымъ доказательствомъ обладанія даннымъ мѣстомъ: крѣпостные, напримѣръ, ключи можно сегодня отдать одному, а завтра вновь запереться въ крѣпости, при оставленіи ея побѣдителемъ. Нерѣдко бывало, что побѣдителю подносили и не тѣ ключи, которыми запирались ворота крѣпости, а другіе, сдѣланные и болѣе изящно и изъ болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ простое желѣзо, матеріала. Ардаганскіе ключи, т. е. замокъ съ ключемъ былъ очень невзраченъ на видѣ, имѣлъ даже особенное свойство прищемлять руку тому, кто неосторожно знакомился съ его механизмомъ. Поэтому, для отсылки въ Петербургъ доказательствъ покорности крѣпости Ардагана, оказалось необходимымъ сдѣлать болѣе приличный ключъ, придавъ ему, какъ ключу отъ древней крѣпости, также видъ древности, посредствомъ легкой ржавчины. На бѣду, вновь приготовленный ключъ, по недосмотру ли, или отъ лишняго усердія исполнителей, перержавѣлъ черезъ мѣру, оказался опять ненадлежащаго вида. Между тѣмъ, начались болѣе важныя событія и про трофеемъ ардаганскій забыли.

4-го іюня получено приказаніе главнокомандующаго: главную часть нашего отряда оставить подъ Займомъ, а генералу Ковалевскому, съ однимъ баталіономъ Виленскаго полка, дивизиономъ резервной батареи и пятью сотнями казаковъ, идти въ Ахалкалаки, слѣдуя по восточную сторону Чалдырь-Гѣля. Такимъ образомъ, надежды генерала Ковалевскаго и его штаба на немедленное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на этотъ разъ не осуществились.

Назначенныя къ возвращенію во-свои, остатки ахалдцкскаго отряда выступили изъ-подъ Займа 5-го іюня. Противъ лагеря главныхъ силъ отряду приказано было остановиться. Сюда прибылъ главнокомандующій, благодарилъ войска за успѣшный поимскъ въ Ардагану. Благодарность была заслужен-

ная, именно по трудамъ, которые довелось испытать нашему отряду. Дѣйствительно, при огромномъ числѣ колеснаго обоза и вьюковъ, при дурной дорогѣ, испорченной дождями, войска нашего отряда цѣлые девять дней (считая и день сосредоточенія къ Карсаху изъ Ахалкалакъ и его окрестностей) шли безъ дневокъ; почти все это время маршъ продолжался 13—15 часовъ; солдаты много работали при подъемахъ и спускахъ, помогая обозу и артилеріи; горячая же пища, вслѣдствіе позднаго прихода на ночлегъ и ранняго выступленія, варилась почти все время разъ въ день. И несмотря на то, отсталыхъ совсѣмъ не было, да и заболѣвшихъ было очень не много (*). Затѣмъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ полюбоствовалъ, нѣтъ ли между теперешними виленцами такихъ солдатъ, которые ходили съ нимъ подъ *бѣлаю арапа*.... Въ отрядѣ генерала Муравьева, посланномъ въ 1833 г. на помощь султану въ Црьградъ, находился и Виленскій полкъ. Нашедшіеся такіе старики-солдаты получили отъ главнокомандующаго не поумперіалу.

Въ то время, когда главнокомандующій былъ при нашемъ отрядѣ, къ нему явилась толпа старшинъ окрестныхъ деревень. Хотя генералъ Муравьевъ отлично зналъ турецкій языкъ, но, соблюдая восточные обычаи, обратился къ нимъ чрезъ переводчика. Въ заключеніе своихъ этимъ лицамъ наставленій, главнокомандующій приказалъ имъ сказать: „Пусть передадутъ въ Карсъ, что у меня здѣсь счетомъ 30,000 войска, такихъ 30,000, которые покажутся непріятелю за 60,000“.

Возвращавшемуся въ Ахалкалаки отряду предстояло идти по той же дорогѣ, по которой, въ іюлѣ 1828 г., слѣдовалъ графъ Паскевичъ съ своимъ корпусомъ изъ Карса въ Ахалкалаки. По этой дорогѣ послѣ того не только не ходили войска, но, вѣжета, и ни одна телега не проѣзжала: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и слѣдъ дороги пропадалъ. Поэтому нашему отряду, съ половины втораго перехода (**), пришлось испытывать тѣ

(*) 5-го іюня главнокомандующимъ отданъ былъ слѣдующій приказъ, за № 132: „Изъявляю совершенную мою признательность начальнику ахалцыхскаго и ахалкалакскаго отрядовъ, генералъ-лейтенанту Ковалевскому, за распорядительность и дѣятельность, оказанныя при споромъ движеніи изъ Ахалкалакъ къ Ардагану и оттуда на соединеніе съ главными силами при дер. Замъ; послѣдствіемъ чего было занятіе Ардагана, быстро очищеннаго турецкими войсками и милиціями“.

(**) Первый ночлегъ нашего отряда былъ у д. Кюмбеть. Упомянемъ объ этой деревнѣ потому, что она встрѣтится въ нашемъ разсказѣ и въ слѣдствіи.

же затрудненія, которые испытали русскія войска въ 1828 г., конечно, въ меньшей степени только потому, что отрядъ былъ невеликъ: безпрестанные спуски и подъемы, переправы черезъ восемь ручьевъ, впадающихъ въ Чалдырь-Гѣль, изъ которыхъ одинъ образовалъ довольно большое болото, и, наконецъ, перевалъ черезъ гору Гегъ-Дагъ. Послѣдній подъемъ былъ такъ крутъ, что артилерію и обозъ поднимали на волахъ. Конечно, безъ приключеній едва-ли можно было обойтись, слѣдуя по такой дорогѣ. И дѣйствительно, при первомъ же приближеніи къ Чалдырь-Гѣлю, на крутомъ спускѣ одна казенная телега, вмѣстѣ съ лошадьми и возницею, полетѣла съ вручи. Только необыкновенно счастливая случайность спасла и возницу и лошадей. Въ самомъ дѣлѣ, такая случайность рѣдко можетъ повториться. Вообразите себѣ, что дорога имѣетъ для спуска три колена, идущія карнизомъ въ разстояніи сажени одна надъ другою. Заглядывшійся фурштатъ не обратилъ вниманія на впереди спускавшихся товарищей и похвалъ, за подвернувшейся тутъ пустою арбою какого-то жителя, по верхней колеѣ, проходимою только для аробъ. Едва онъ прошалъ нѣсколько шаговъ, какъ фура начала наклоняться набокъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, полетѣла внизъ, на слѣдующій карнизъ, а оттуда на послѣдній. Такимъ образомъ и фура и тройка лошадей съ кучеромъ перевернулись на воздухъ два раза.... И вдругъ мы видимъ.... телега стоитъ на нижней колеѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Все это произошло столь быстро, что сначала нельзя было понять, въ чемъ дѣло. Конечно, сейчасъ же явился врачъ, чтобы подать помощь фурштату, если онъ остался живъ. Но на вопросъ медика, что чувствуетъ фурштатъ, тотъ лаконически отвѣчалъ: „дайте рюмку водки“. Да и въ самомъ дѣлѣ, не оказалось нужнымъ давать ему другихъ медицинскихъ пособій. Спасеніемъ своимъ фурштатъ обязанъ былъ тому, что обручи надъ фурую, будучи выше его головы, не позволяли телегѣ, при ея перевертываніяхъ, прижать кучера къ землѣ.

Останавливаясь для приваловъ по берегу озера, любуясь прекрасными видами и на озеро и на горы, и на находившуюся въ полномъ блескѣ здѣшнюю растительность, мы убѣдились въ необыкновенномъ богатствѣ Чалдырь-Гѣля рыбою: въ рѣчкахъ, въ него впадающихъ, солдаты тесаками и штыками, а казаки пиками пришибали огромныхъ карповъ.

Въ три часа пополудни, 7-го іюня, отрядъ поднялся на вершину чалдырскаго хребта и вступилъ тутъ обратно въ русскіе предѣлы. Здѣсь, какъ бы на прощанье, дождь насъ еще разъ вымочилъ сильнѣйшимъ образомъ, а казаки представили начальнику отряда, на память, молодого оленя, котораго ухитрились поймать на самой горѣ.

Отъ Ахалкалакъ отрядъ разошелся въ разныя стороны, а генералъ Ковалевскій вернулся со штабомъ въ Ахалцыхъ, не потерявъ еще окончательно надежды быть вытребованнымъ къ главнымъ силамъ, переходившимъ, между тѣмъ, съ сѣверной стороны Карса на южную. Дѣйствительно, вскорѣ генералъ Ковалевскій получилъ приказаніе прибыть къ главнымъ силамъ, куда и отправился со штабомъ ввѣренной ему дивизіи. Петру Петровичу и сопровождавшимъ его товарищамъ нашимъ было устроено обычное прощанье. Никому, конечно, не приходило при этомъ на мысль, что мы прощались съ генераломъ Ковалевскимъ и нѣкоторыми другими навсегда.

Разставаясь и въ настоящихъ запискахъ съ генераломъ Ковалевскимъ, мы считаемъ обязанностію почтить его память нѣсколькими словами объ его личности и служебной дѣятельности. Считаемъ нашей обязанностію сдѣлать это для того въ особенности, что, вслѣдствіе странныхъ обстоятельствъ, на личныя качества генерала Ковалевского были дѣлаемы прежде нареканія, некончившіяся даже и съ его смертію и неизмѣвшія, между тѣмъ, какъ будетъ изложено ниже, никакого основанія.

Петръ Петровичъ Ковалевскій, происходившій изъ дворянъ Харьковской губерніи, родился въ 1808 г. Образованіе получилъ въ артилерійскомъ училищѣ, гдѣ, по производствѣ въ 1826 г. въ прапорщики, кончилъ курсъ въ офицерскихъ классахъ, т. е. въ нынѣшней михайловской артилерійской академіи. Переведенный затѣмъ въ артилерію гвардейскую, онъ былъ назначенъ сначала въ ракетную роту, потомъ въ ракетное заведеніе. Съ 1833 по 1837 г. былъ весьма полезнымъ дѣятелемъ при опытахъ, производимыхъ генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ надъ дѣйствіемъ конгревовыхъ ракетъ противъ укрѣпленій и земляныхъ насыпей, а потомъ въ опытахъ надъ регулированными и шрапнелевыми гранатами, производившихся подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Сумарокова. Принимавшійся за всякое дѣло съ увлеченіемъ, П. П. Ковалевскій прожогъ не мало и собственныхъ денегъ на личные свои

опыты, результатомъ котораго было изобрѣтеніе имъ особой гранатной трубки.

Свободное отъ служебныхъ занятій время Петръ Петровичъ употреблялъ преимущественно на чтеніе, которое и впослѣдствіи было постоянною его страстью. Не одна артиллерійская или вообще военная спеціальность его занимала. Между прочимъ, онъ обратилъ свою любознательность на Среднюю Азію и занимался усердно ея изученіемъ, чему не мало способствовало то обстоятельство, что братъ его былъ тогда губернаторомъ одной изъ сибирскихъ губерній, собиравъ и сообщавъ ему свѣдѣнія о сосѣднемъ краѣ, а другой братъ, вернувшійся изъ илійскаго края, жилъ нѣкоторое время съ нимъ (1836 г.). Результатомъ такихъ занятій были составленныя имъ двѣ записки объ образованіи на границѣ Сибири особаго края для развитія торговли Россіи и путей съ Средней Азіей. Хотя эти записки, переданныя на обсужденіе бывшаго генераль-губернатора западной Сибири князя Петра Дмитріевича Горчакова, не имѣли тогда особенныхъ послѣдствій, но нѣкоторыя изъ изложенныхъ въ нихъ мыслей, и особенно отвлѣты на замѣтки князя Горчакова, осуществляются образованіемъ въ послѣднее время туркестанскаго генераль-губернаторства.

Не жалуя дамскаго общества, даже избѣгая его, Петръ Петровичъ, какъ бы взамѣнъ того, имѣлъ особенную страсть прислушиваться къ говору простаго русскаго люда, и безпрестанно бывалъ на всѣхъ петербургскихъ народныхъ сборищахъ, записывая особенно выдававшіяся въ толькѣ изреченія. Такая наклонность не нравилась его начальству, и служила поводомъ къ полученію замѣчаній.

Боевая дѣятельность П. П. Ковалевскаго началась съ самыхъ первыхъ лѣтъ его службы. Въ турецкую войну 1828 — 1829 г. онъ сдѣлалъ три кампаніи съ ракетной ротой, участвуя во взятіи крѣпости Варны, потомъ въ замѣчательныхъ по своей отвагѣ дѣйствіяхъ генерала Шильдера при устройствѣ моста черезъ Дунай, подъ крѣпостью Силистріей, и, наконецъ, въ переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы. Съ 1843 года, когда Петръ Петровичъ, прокомандовавъ передъ тѣмъ четыре года 4-й батареей 1-го гв. 2-й артиллерійской бригады, былъ назначенъ командиромъ 20-й артиллерійской бригады, по 1849 годъ, онъ постоянно участвовалъ въ

военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, гдѣ съ 1846 года былъ въ званіи начальника праваго фланга кавказской линіи. Такимъ образомъ, до открытія войны 1858 — 1856 г., которая застала его бригаднымъ командиромъ 13-й пѣхотной дивизіи, онъ одѣлалъ десять кампаній и участвовалъ съ отличіемъ во многихъ дѣлахъ и сраженіяхъ.

При такихъ условіяхъ частной, служебной и боевой дѣятельности и образованія, которое онъ много развилъ путешествіемъ своимъ въ праницу (сопутствуя генераль-адъютанту Сумарокову), гдѣ изучалъ нѣкоторыя техническія заведенія, особенно по артилерійской части, и посѣщая мѣста извѣстныхъ военныхъ дѣйствій, при отличныхъ умственныхъ способностяхъ, весьма естественно было образоваться изъ П. П. Ковалевскаго генералу, выходящему изъ ряда, какъ по своему развитію и познаніямъ, такъ и по боевой опытности. Последняя выказана имъ, какъ при оборонѣ въ 1853 году Ахалыка и пораженіи затѣмъ турокъ подъ Суфлисомъ (*), такъ и въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, во время карской кампаніи.

Какъ человекъ, Петръ Петровичъ умѣлъ пріобрѣтать любовь и расположеніе тѣхъ, съ которыми сталкивала его судьба. Бесѣда его была чрезвычайно занимательна, какъ чело-вѣка много видавшаго и знавшаго, хотя свою большую значимость онъ и скрывалъ подъ свойственной малоросіянамъ формою простодушія. Рѣчь его, всегда оживленная, отличалась простотою и своеобразностію выраженій, между которыми не рѣдко слышались мѣткіе и бойкіе обороты, заимствованные имъ прямо изъ говора простаго русскаго чело-вѣка.

Какъ начальникъ, П. П. Ковалевскій былъ пріятель и внимателенъ къ своимъ подчиненнымъ. Солдата онъ любилъ, умѣлъ говорить съ *земляками* — какъ онъ обыкновенно пріивѣтствовалъ войска — строго слѣдилъ за ихъ нуждами. Наблюдая внимательно за образованіемъ нижнихъ чиновъ, онъ требовалъ, чтобъ образованіе это шло разумно, и сильно не жаловалъ тѣхъ ближайшихъ начальниковъ, которые безъ толку налегали на *смотровую* сторону обученія солдата. Зная, однакожъ, какъ трудно было въ то время воздержаться отъ склонности къ педантическимъ требованіямъ службы, онъ оцѣнивалъ дѣятель-

(*) За отличіе въ этомъ сраженіи, онъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, съ назначеніемъ начальникомъ 13-й пѣх. дивизіи.

ность начальниковъ и умѣнье ихъ руководить своими частями не по одному только фронтовому образованію, но всегда и по числу *больныхъ* въ данной части нижнихъ чиновъ.

Но при такихъ качествахъ, какъ чловѣка собственно, такъ и чловѣка военно-боеваго, Петръ Петровичъ былъ воспріимчивъ до раздражительности, вспыльчивъ. Эта-та особенность, при физическомъ его силѣ, и была причиною, что о немъ нѣкоторые составили неблагоприятное понятіе.

По прїѣздѣ въ Ахалцыхъ, намъ приходилось слышать говоръ въ отрядѣ, что П. П. Ковалевскій приверженъ къ вину. Рассказывали, будто во время сулискаго сраженія его видѣли опоражнивающимъ стаканы вина, безпрестанно подаваемого ему казакомъ. Была молва, повторяемая и донинѣ, будто даже на штурмѣ Карса онъ находился подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Обѣдая въ Ахалцыхъ постоянно у Петра Петровича, весьма часто ужиная съ нимъ вмѣстѣ, находясь, наконецъ, вмѣстѣ въ походѣ, гдѣ никакая особенность чловѣка не можетъ остаться незамѣченною, мы удивлялись существованію сказаннаго мнѣнія, совершенно опровергаемаго дѣйствительностію: никогда не употребляя водки, онъ пилъ вина менѣе, чѣмъ кто-либо изъ самыхъ воздержныхъ. Наконецъ, при содѣйствіи лицъ, давно служившихъ съ генераломъ Ковалевскимъ, и въ особенности будучи разъ свидѣтелемъ его сильной вспыльчивости во время похода, намъ удалось разъяснить себѣ это обстоятельство. При полномъ тѣлосложеніи и при короткой шеѣ, всякая вспышка Петра Петровича ярко отражалась на его раскраснѣвшемся лицѣ; его бросало въ испарину и онъ нерѣдко говорилъ такимъ тономъ, котораго никакъ нельзя было ожидать, особенно при мгновенномъ переходѣ изъ спокойнаго состоянія. Видѣвшимъ его въ одну изъ подобнымъ минутъ, дѣйствительно, могла придти мысль о ненормальномъ его состояніи. Вдобавокъ, сознавая самъ свою горячность, П. П. Ковалевскій безпрестанно пилъ воду, которую въ походѣ и имѣлъ всегда при себѣ состоявшій при немъ казакъ. Понятно, что когда въ полѣ подавалась ему вода, требуемая особенно въ минуту разгоряченія, издали нельзя было видѣть что именно онъ пьетъ; къ водѣ же примѣшивалось иногда красное вино, безъ котораго и не совсѣмъ безвредно ее употреблять во время кавказскихъ жаровъ. И вотъ изъ такого-то самаго невиннаго обстоятельства, въ соединеніи съ

особенностями физическаго склада этого человека, и вышла молва о приверженности къ вину того, у котораго скорѣе можно было поучиться воздержанію.

Мы были бы какъ нельзя болѣе рады, если бы настоящіе строки были прочитаны тѣми, которые, не имѣя возможности близко знать покойнаго П. П. Ковалевскаго, слышали о немъ иной невоздержности вполне достойнаго всякаго уваженія человека и генерала, кровью запечатлѣвшаго свою преданность роднѣ и ея славу, генерала, смерть котораго самымъ компетентнымъ въ оцѣнѣ подобныхъ людей лицомъ — главнокомандующимъ — считалась большою потерю для дѣйствовавшихъ въ Азіатской Турціи русскихъ войскъ (*).

Вмѣсто генераль-лейтенанта Ковалевскаго, получившаго, по прибытіи подъ Карсъ, въ командованіе часть главныхъ силъ, начальникомъ ахалцыхскаго отряда назначенъ былъ командовавшій резервной дивизіей отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генераль-майоръ Базинъ, который и прибылъ въ Ахалцыхъ 27-го іюля. Въ это время отрядъ, оставившій передъ тѣмъ (какъ о томъ нами рассказано) часть своихъ силъ на усиленіе дѣйствующаго корпуса, хотя и получилъ подкрѣпленіе, но былъ значительно слабѣе прежняго: вмѣсто 13 баталіоновъ и 22 пѣшихъ орудій, въ немъ состояло всего 8 баталіоновъ и 18 орудій; только число казачьихъ сотенъ было то же, какъ и прежде — 9 (**).

До половины іюля отрядъ нашъ находился въ неизвѣстно-

(*) Генераль-адъютантъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, помѣщенныхъ въ первой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1862 г., говоря о крайнемъ недостаткѣ начальниковъ, происшедшемъ вслѣдствіе потерь на карскомъ штурмѣ, выражается, между прочимъ, такъ: „Ковалевскій былъ незаменимъ въ дѣйствующемъ корпусѣ“.

(**) Составлявшія въ это время ахалцыхскій отрядъ войска были слѣдующія: *Пѣхота*: Влостокскій пѣхотный полкъ—4 баталіона; резервный баталіонъ лейбъ-чараб. Эриванскаго полка—1 батал.; кавказск. резервн. линейн. батал.—1 батал.; грузинск. резервн. линейн. батал.—1 батал.; грузинск. линейный № 2-го батал.—1 батал.

Кавалерія: Донскаго казач. № 2-го полка—3 сотни; Донскаго казач. № 21-го полка—5 сотенъ.

Артиллерія: кавказск. гренад. арт. бриг. горн. № 1-го батарея турецк. орудій—2 орудія; 13-й артил. бригады легкая № 2-го батарея—8 орудій; 1-й дивиз. резервн. батарея кавказск. гренад. артил. бригады—4 орудія; 13-й гарниз. артил. бригады $\frac{1}{2}$ роты № 8-й—2 орудія; турецкихъ горныхъ единороговъ—2 орудія. Кроме того, были еще въ Ахалцыхъ и въ Ахалкалкахъ мѣстная конная милиція, не болѣе сотни въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ.

сти относительно того, приметъ ли и имѣть участіе въ дѣйствіи русскаго войска въ Азіатской Турціи. Между тѣмъ, главныя силы стояли уже на юго-западной сторонѣ Карса, летучіе ихъ отряды уничтожали въ окрестныхъ селеніяхъ продовольственныя запасы, которые еще не могли быть доставлены въ Карсъ, и перехватывали транспорты, шедшіе въ городъ: самъ главнокомандующій совершилъ первое движеніе за Саганлунскій хребетъ съ цѣлю уничтожить турецкія заготовленія провіанта, сдѣланныя тамъ въ большомъ размѣрѣ. Наконецъ, генераль-адъютантъ Муравьевъ, рѣшившій уже морить голодомъ анатолійскую армію, сосредоточенную въ карскихъ укрѣпленіяхъ, принималъ дѣятельныя мѣры къ обложенію Карса со всѣхъ сторонъ.

16-го іюля къ генералу Базину прибылъ полковникъ баронъ Унгернштернбергъ съ собственноручнымъ письмомъ главнокомандующаго, заключающимъ въ себѣ слѣдующія приказанія: изъ части кавалеріи ахалцыхскаго отряда составить летучій отрядъ, въ который включить и кавалерію, только-что пришедшую въ ахалкалакскій участокъ изъ другихъ мѣстъ закавказскаго края; летучему отряду, подъ начальствомъ барона Унгернштернберга, расположиться у оз. Айгеръ-Гель (верстахъ въ 20-ти отъ Карса на сѣверъ, на лѣтней ардагано-карской дорогѣ); для подарѣвленія же этого отряда составить изъ ахалцыхскаго отряда, безъ особеннаго его ослабленія, другой изъ 3-хъ родовъ оружія, которому и стать у д. Кюмбетъ (*). Кромѣ того, въ письмѣ заключалось еще требованіе „заглянуть въ Ардаганъ“.

Для исполненія такихъ приказаній, генераль Базинъ сосредоточилъ назначенное для летучаго отряда число кавалеріи (6-ть сотенъ донскихъ казаковъ, конно-мусульманскій полкъ и четыре ракетныхъ станка) въ Ахалкалакахъ и двинулъ ее оттуда черезъ переваль Арджанъ къ Ардагану; а самъ въ то же время, поручивъ оставшіяся въ ахалцыхскомъ уѣздѣ войска командиру 1-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіору Будбергу, пошелъ съ 2-мя баталіонами Вѣлостокскаго полка, дивизиономъ легкой № 2-й батареи 13-й артиллерійской бригады, тремя сотнями донскихъ казаковъ и съ сотней гор-

(*) О мѣстѣ нахожденія этого пункта сказано выше. Между Айгеръ-Гелемъ и Кюмбетомъ по прямому направленію верстъ 25.

своей пѣшей дружины (*) изъ д. Вале (въ 10 верстахъ отъ Ахалцыха къ границѣ, гдѣ этотъ небольшой отрядъ сосредоточился передъ выступленіемъ), черезъ переваль Улгарь прямо къ Ардагану. Въ этомъ послѣднемъ оба отряда, могшіе разувзять положеніе дѣлъ по двумъ различнымъ направленіямъ, должны были соединиться и затѣмъ слѣдовать на указанныя главнокомандующимъ мѣста.

Въ приготовленіяхъ къ движенію черезъ Улгарь главную задачу составляло сформированіе наскоро обоза. Взять съ собою весь форменный обозъ значило бы связать себя: если при прежнемъ движеніи ахалцыхскаго отряда къ Ардагану и Заиму чрезвычайно трудно было слѣдовать съ казеннымъ обозомъ, то эти затрудненія удесятирились бы при переходѣ черезъ Улгарь. Въ ахалцыхскомъ отрядѣ еще прежде, на случай движенія по прямой дорогѣ къ Кутаису, были построены на два баталіона вьюки для семидневнаго запаса провіанта; но необходимость взять съ собою сухарей на четырнадцать дней и палатки заставило прибѣгнуть къ найму и наряду подводъ, какъ изъ ахалцыхскаго уѣзда, такъ и изъ поцховскаго санджака. Требовались еще работы по исправленію дороги черезъ переваль: предшествовавшіе дожди значительно его испортили, образовавъ во многихъ мѣстахъ сильныя промоины. И выставленіе подводъ и поправка дороги въ такое рабочее время, какъ было теперь, не могло особенно нравиться жителямъ, но дѣлать было нечего: на то война.

Къ 19-му іюля все было готово, и два отряда двинулись въ этотъ день по двумъ, сходящимся у Ардагана, направленіямъ. Для слѣдовавшаго черезъ Улгарь отряда переваль всетаки представилъ затрудненія, сначала по причинѣ узкой дороги, идущей между крутой лѣсистой горой и глубокимъ обрывомъ, а потомъ по крутизнѣ подъема: для преодоленія послѣдняго артилерією, пришлось впрягать въ нее воловъ, а спустить съ горы людьми. Какъ бы въ вознагражденіе за перенесенные на этомъ переходѣ труды, на мѣстѣ ночлега, на соухпуарской высотѣ, находились ключи великолѣпной воды. Какъ туртукайскіе фонтаны славятся своей водой во всей Болгаріи и Валахіи, такъ и соухпуарскіе источники на большомъ вокругъ разстояніи извѣстны своимъ пріятнымъ вкусомъ. Здѣсь

(*) Пѣшая дружина эта, незадолго передъ тѣмъ сформированная, только что прибыла въ ахалцыхскій отрядъ.

же войска пока разстанавливались на ночлегъ, имѣли удовольствіе испытать пріятность нахождения на весьма возвышенномъ мѣстѣ: облако накрыло весь отрядъ, одежду каждаго изъ насъ снабдило порядочнымъ количествомъ влаги, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ нельзя было на разстояніи двухъ шаговъ различать предметы.

22-го іюля оба отряда прибыли къ Ардагану безъ особенныхъ приключеній и задержекъ; только летучій отрядъ захватилъ на дорогѣ небольшую партію аджарской милиціи, возвращавшуюся изъ Карса. Ардаганскіе старшины собрались для почетной встрѣчи отряда генерала Базина, который, зная, что прибытіе въ Азіятскую Турцію новыхъ войскъ сдѣлается извѣстнымъ въ Карсѣ, раздѣлилъ каждый баталіонъ по-полубаталіонно, чтобъ показаться болѣе сильнымъ, чѣмъ было въ дѣйствительности; кромѣ того, для той же цѣли, онъ взялъ къ себѣ двѣ казачьи сотни отъ барона Унгернштернберга, ставшаго съ своею кавалеріею на правомъ берегу Куры. Вступая въ Ардаганъ и проходя его, отрядъ имѣлъ впереди пѣсенниковъ; увлекшійся запѣвало почти все мѣстечко пропелъ на рукахъ, къ немалому изумленію турокъ, глазѣвшихъ на такую невидаль изъ своихъ домовъ и лавокъ, которыя теперь не были заперты, какъ это было при вступленіи въ Ардаганъ генерала Ковалевскаго: жители убѣдились, что русскія войска не дѣлаютъ вреда безоружнымъ.

Само собою разумѣется, что въ ардаганской крѣпости, считавшейся официально намъ покорной еще съ 30-го мая, мы не нашли—не говоря уже о войскахъ непріятельскихъ—никакихъ запасовъ, которые были бы приготовлены для находящихся въ Карсѣ турокъ. Такимъ образомъ, только *зглянувъ* въ Ардаганъ, какъ того требовалъ главнокомандующій, наши отряды исполнили свою задачу въ отношеніи этого пункта и должны были слѣдовать далѣе по назначенію: летучій отрядъ къ Айгеръ-Гѣлю, а пѣхотный къ Кюмбету, по дорогѣ уже вполне знакомой и не представлявшей никакихъ затрудненій для движенія при томъ обозѣ, который у насъ теперь былъ съ собою. 27-го іюля оба отряда были на своихъ мѣстахъ.

Расположеніе отряда у д. Кюмбетъ не было вполне удобно для той цѣли, для которой онъ предназначался: прямаго сообщенія отъ Кюмбета къ Айгеръ-Гѣлю почти не было; притомъ, и транспортамъ съ провіантомъ, который намъ слѣдовало по-

лучше изъ Ахалкалакъ, приходилось бы двигаться по плохой дорогѣ и преодолевать весьма трудный перевалъ у Гёгъ-Дага (*). Вслѣдствіе этихъ ли причинъ, или какихъ другихъ соображеній, главнокомандующій, вернувшись изъ вторичнаго своего движенія за Саганлугъ (которое, встаети сказать, было одновременно съ движеніемъ нашихъ отрядовъ черезъ Ардаганъ) и оставшись весьма доволенъ всѣми распоряженіями генерала Базина, особенно скорымъ выступленіемъ изъ Ахалцыка, приказалъ ему передвинуть отрядъ изъ Кюмбета къ д. Омеръ-Ага или д. Ольчену (**).

1-го августа отрядъ перешелъ къ Омеръ-Ага, находящемуся почти въ срединѣ Хоцевана, на зимней ардагано-карской дорогѣ, верстахъ въ 20 съ небольшимъ отъ Айгеръ-Гёля, и стоялъ тутъ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Цѣль этого отряда была выяснена теперь главнокомандующимъ такимъ образомъ: ограждать блокадное войско отъ нападений съ тылу; разузнавать по окрестностямъ, не собирается ли провіантъ для отправленія въ Карсъ; строго наблюдать, чтобъ не было никакого сообщенія Ардагана съ Карсомъ, чтобъ жители не принимали бѣглецовъ изъ турецкой арміи; развѣдывать что дѣлается въ Ольтъ и Батумъ, и вообще собирать свѣдѣнія о неприятелѣ; имѣя постоянную связь съ ближайшими блокирующими отрядами, слѣдить за спокойствіемъ жителей всего окрестнаго края. Главнокомандующимъ дано было еще приказаніе генералу Базину: въ случаѣ внезапнаго на отрядъ нападенія неприятеля, если онъ будетъ въ большихъ силахъ, отступать на Ахалкалаки, стараясь увлечь его за собою и тѣмъ дать возможность войскамъ, посланнымъ отъ блокирующихъ частей, нанести ему поражение съ тылу.

Для отряда, имѣвшаго такое назначеніе, трудно было отыскать болѣе удачное расположеніе, какъ у Омеръ-Ага. Стоя здѣсь, на соединеніи зимней ардагано-карской дороги съ нѣсколькими путями, ведущими къ Ахалкалакамъ и прямо къ Ахалцыку (черезъ Ольчекъ къ Улгару), и вблизи лѣтней карской дороги, отрядъ нашъ, служа опорой для летучаго отряда, находившагося у Айгеръ-Гёля, прерывалъ сообщеніе между

(*) Описаніе этой дороги нами сдѣлано выше, при разсказѣ о возвращеніи генерала Ковалевскаго отъ Зайна въ Ахалкалаки.

(**) Не мѣшаетъ припомнить, что д. Ольчекъ находится на дорогѣ изъ Ахалкалакъ въ Ардаганъ, въ 17 верстахъ отъ послѣдняго.

Карсомъ и Ардаганомъ; въ своихъ сообщеніяхъ съ Ахалгалаками, откуда получалъ провіантъ, былъ совершенно обезпеченъ; могъ въ три усиленныхъ перехода (около 90 верстъ) явиться въ Ахалцыхъ и, наконецъ, въ полтора [перехода или въ одинъ усиленный (41 верста), присоединиться къ войскамъ, стоявшимъ подъ Карсомъ (*). Окружающія Хочеванъ горы служили отличнымъ мѣстомъ для расположенія казачьихъ бекетовъ: днемъ на далекое разстояніе они могли наблюдать за окружающею мѣстностію Ардагана и Гѣля; расположенные на ночь вокругъ отряда, казачьи секреты не допускали ни одного бѣглеца изъ Карса пробраться незамѣченнымъ: порядочное число ихъ, успѣвавшее проскользнуть черезъ блокирующія части, попадали въ руки отряда. При содѣйствіи отряда, устранивалось управленіе въ окружной мѣстности, нарушенное бѣгствомъ турецкихъ властей, и при этомъ было возможно собирать въ пользу русскаго правительства съ жителей повинности (**). Такимъ образомъ, часть полученнаго осевью съ чалдырскаго и ардаганскаго санджаковъ зерноваго хлѣба, по перемолкѣ на турецкихъ же мельницахъ, шла нѣкоторое время на продовольствіе нашего отряда; съ Гѣля же, богатой лѣсомъ, вмѣсто багры, требовались бревна, которыя и были доставаемы жителями въ лагерь главныхъ силъ для устройства бараковъ. Лазутчики безпрестанно являлись въ нашъ отрядъ, и хотя сообщаемыя ими свѣдѣнія не всегда были толковы (***), иногда даже давали поводъ подозрѣвать, что лазутчикъ, служащій намъ, не есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ шпионъ изъ Батума или Ольты; но тѣмъ не менѣе всѣ свѣдѣнія, провѣренныя полученными въ главной квартирѣ другимъ путемъ, служили хорошими данными для

(*) Эти обстоятельства и были причиною предпочтенія Омеръ-Аги передъ Олычekomъ для расположенія нашего отряда. Здѣсь не будетъ не у мѣста сказать, что всѣ распоряженія генералъ-адъютанта Муравьева рѣзко отдичались отъ тѣхъ, которыя получили войска въ 1853—1854 гг. на Дунаѣ. Тамъ всякое распоряженіе сопровождалось перечисленіемъ всѣхъ случайностей, которыя могли встрѣтиться отряду, получавшему какое либо назначеніе; здѣсь указывалась только цѣль и средства къ ея достиженію, все же остальное предоставлялось ближайшему усмотрѣнію начальника, который такимъ образомъ не былъ стѣняемъ въ своихъ распоряженіяхъ.

(**) О податяхъ, которыя турки платятъ своему правительству, мы говорили выше. Изъ всѣхъ этихъ повинностей въ пользу русскаго правительства собиралась одна только *багра*.

(***) Разъ случилось, напримѣръ, что явившійся изъ Батума торговецъ рассказывалъ, будто турки привезли въ этотъ городъ *слазныя* пушки, которыя составлялись изъ отдѣльныхъ частей.

главнокомандующаго, вообще нежалыпаго денегъ на лагушчиковъ.

Мѣстность, на которой располагался отрядъ, была довольно возвышенна и окружена съ двухъ сторонъ ручьемъ съ прекрасной водой и большимъ количествомъ форели. Хотя, благодаря этому возвышенію, по ночамъ въ сентябрѣ были уже порядочные холода (доходившіе иногда до 10° по Р.), даже появлялся снѣгъ, однако стоянка была очень здоровая. Солдаты ухитрились устроить у ручья баню для отряда. Казаки же, не отказывающіеся никогда и нигдѣ отъ своихъ донскихъ привычекъ, стоя на аванпостахъ, не удерживались осенью, чтобъ не пустить *яловы*, напоминавшихъ многимъ изъ насъ родные виды; Ночью палы эти, охватывая огнемъ горные скалы и освѣщая всякую впадину въ горѣ, представляли чрезвычайно красивое зрѣлище.

До самаго карскаго штурма, омерь-агинскій отрядъ почти постоянно находился въ спокойномъ положеніи. Только разбѣды его изрѣзывали окрестности по воимъ направленіямъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е августа была слышна и у насъ сильная перестрѣлка: это было дѣло летучихъ отрядовъ (между прочимъ, и барона Унгернштернберга) съ довольно сильной колонной, высланной изъ Карса и составленной изъ лучшей части кавалеріи, изъ артилерійскихъ лошадей и изъ व्यюковъ съ частными имуществами. Высланная для спасенія отъ голодной смерти, колонна эта нашла отчасти смерть, отчасти плѣвъ отъ летучихъ отрядовъ, у Джавры, Сорхунли и Ахъ-Ками (верстахъ въ 10 на югозападъ отъ Айгеръ-Гѣля). Отряду нашему удалось только видѣть, до какой степени бѣдствовали турецкія войска въ Карсѣ: прибрѣтенныя нѣкоторыми изъ офицеровъ турецкія лошади, изъ числа отбитыхъ въ этомъ ночномъ дѣлѣ, были до такой степени худы, что еле двигались; впоследствии же, когда хорошій кормъ начиналъ оказывать свое дѣйствіе, у прибрѣтенныхъ лошадей изъ поръ появлялась гнойная матерія, въ видѣ испарины.

Изъ спокойнаго своего положенія отрядъ нашъ былъ выведенъ только два раза. 29-го августа получено приказаніе главнокомандующаго идти къ верховьямъ Куры, чтобъ захватить транспортъ, будто бы двигавшійся къ Карсу черезъ Гѣля. Немедленно сдѣланы всѣ распоряженія къ походу, отрядъ двинулся къ развалинамъ д. Ордаинъ (верстахъ въ 15 отъ Омеръ-

Ага) и къ девяти часамъ вечера былъ на указанномъ мѣстѣ, испытавъ отчасти невыгоды ночнаго движенія войскъ: дорога пролегла черезъ одинъ изъ ручьевъ, протекавшихъ вокругъ нашего отряда въ большомъ числѣ; она была какъ нельзя болѣе извѣстна, но болотистый ручей можно было пройти для артилеріи только въ одномъ мѣстѣ, которое при быстро наступившей темнотѣ (какъ обыкновенно смѣняется на югѣ день ночью) пришлось искать съ фонарями; потомъ пѣхота, пересѣкая лѣтнюю карскую дорогу, повернула было по ней въ направленіи къ Карсу. Придя на мѣсто и занявъ выбранную заблаговременно позицію, отрядъ простоялъ тутъ цѣлый день 30-го августа, имѣя возможность видѣть передъ собою всю гѣльскую котловину. Утромъ вдали видѣлись только стада, которыя воображеніе иныхъ, разгоряченное ожиданіемъ встрѣчи съ непріателемъ, принимало за движущійся медленно транспортъ. Получивъ, наконецъ, свѣдѣнія не только отъ своихъ разъѣздовъ, но и изъ главныхъ силъ, что извѣстія о движеніи къ Карсу транспорта были невѣрны, отрядъ вернулся въ свои палатки.

3-го сентября прислали въ нашъ отрядъ сотня конно-мульманскаго полка отъ барона Унгернштернберга и привезла предписаніе главнокомандующаго: присоединить къ этой сотнѣ двѣ сотни донскихъ казаковъ и послать ихъ на ардагано-пенякскую дорогу. Дѣло было въ томъ, что генераль Ковалевскій, уничтоживъ 30-го августа подъ Пенякомъ отрядъ Алипаши и взявъ его самого въ плѣнъ, двинулся на сѣверъ къ Панжруту, гдѣ также находился турецкій отрядъ. Главнокомандующій предполагалъ, что бывшія въ Панжрутѣ турецкія войска могутъ броситься на утекъ въ направленіи къ Ардагану; чтобъ забрать этихъ предполагаемыхъ бѣглецовъ, и былъ направленъ сказанный конный отрядъ отъ Омерь-Ага на ардагано-пенякскую дорогу.

Назначеннымъ для поиска тремъ сотнямъ, подъ командой завѣдывавшаго штабомъ отряда, приказано идти къ д. Туркашенъ. Выступивъ изъ лагеря подъ Омерь-Ага часа въ два пополудни и слѣдуя по прямому направленію, иногда по горнымъ тропинкамъ, отрядъ этотъ въ 9 часовъ вечера былъ у Туркашена, сдѣлавъ почти безостановочно верстъ 35. Было уже совершенно темно. Въ едва возвышавшихся надъ землею домикахъ деревни мелькали огоньки; но какъ только слышались

жители конскій топъ—огни погасли. Отрядъ очутился въ глубокой долинь; влѣво виднѣлась Кура. Ни одинъ изъ жителей не показывался, несмотря на призывы казаковъ. Вправо, въ ущельѣ, сверкалъ еще огонекъ; направились туда, чтобъ достать языка: оказалась—мельница. Бывшій съ казаками офицеръ, знавшій по-турецки, заговорилъ черезъ запертыя двери съ мельникомъ. Въ отвѣтъ послышалось: „проваливай, иначе убью“; потомъ слышалось взведеніе курка. Начинать перестрѣлку съ мельникомъ, видимо находившимся въ недоумѣніи о томъ, съ кѣмъ онъ разговариваетъ, не приходилось. Дѣлать нечего; расположившись въ долинь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни, нужно было добывать необходимыя свѣдѣнія собственными средствами. Кругомъ посланы развѣды, разставлена казачья цѣпь. Мало по малу въ деревнѣ огоньки снова засвѣтились, наконецъ явился въ отрядъ и старшина, объяснившій, что жители чрезвычайно боятся баши-бузукъ, и такъ какъ въ окрестность Туркашена никогда русскихъ не было, то и отрядъ былъ принятъ туркашенцами со страху за своихъ. Такая ошибка была тѣмъ болѣе естественна, что, по словамъ старшины, бывшія въ Панжрутѣ войска разбѣжались и одиночные оттуда люди могли появиться и здѣсь.

Это свѣдѣніе указывало, что отрядъ пришелъ сюда напрасно. Нужно было только провѣрить показанія старшины и затѣмъ идти обратно. Посланный передъ свѣтомъ дальній развѣдъ въ направленіи къ Панжруту встрѣтился съ войсками генерала Ковалевскаго, нашедшими Панжрутъ дѣйствительно оставленнымъ. Около полудня вернулся развѣдъ и отряду не оставалось ничего болѣе, какъ идти домой; но онъ нѣсколько былъ задержанъ.

Ити въ отрядѣ мусульманскую милицію весьма неудобно, особенно для ночныхъ движеній. Закавказскіе мусульмане не ѣздятъ верхомъ иначе, какъ на жеребцахъ: чуть не безчестіемъ считается у нихъ ѣздить на меринахъ по примѣру казаковъ или кабардинцевъ. За то идетъ въ отрядѣ постоянная музыка отъ ржанья и драки жеребцевъ, такъ что издали можно знать, гдѣ находятся эти наѣздяки. Другая невыгода происходитъ отъ бараньихъ шапокъ милиціонеровъ: каждый черный баранъ, попавшійся на глаза, представляетъ большой соблазнъ для владѣльцевъ черныхъ папахъ. Старшина Туркашена, передъ выступленіемъ отряда, явился съ жалобой на пропажу нѣсколь-

никъ у него барановъ, говоря, что даже видѣлъ въ конно-мусульманской сотнѣ развѣшанныя для просушки шкуры. Началось разбирательство; наконецъ отыскано у одного агадара (дворянина) поличное. Конечно, онъ не сознается въ кражѣ, говоря, что баранъ былъ купленъ вчера дорогой, въ одной деревнѣ не доходя Туркашена; наконецъ, предлагаетъ старшинѣ поклясться, что баранъ, шкура котораго у него передъ глазами, дѣйствительно принадлежитъ ему, и тогда обѣщаетъ уплатить за всѣхъ пропавшихъ у него овецъ. Старшина отказывается дать клятву даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ у него пропало все стадо. Розыскъ тѣмъ и конченъ. Уже послѣ оказалось, что милиціонеръ конно-мусульманской сотни—*шитъ* предлагалъ старшинѣ *сунниту* дать такую клятву, которая, по правиламъ мусульманскаго правословія, ни въ какомъ почти случаѣ произносима быть не можетъ. Оказалось послѣ и другое, именно, что и казаки ѣли мясо некупленное; но уличить ихъ не было никакой возможности: дѣло сдѣлано ночью, кости и кожа барановъ зарыты въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ разведенъ огонь для приготовленія пищи.

Возвращаться въ Омеръ-Ага отрядъ могъ или по той дорогѣ, по которой пришелъ въ Туркашену, или по болѣе кружной, но болѣе удобной, мимо Ардагана. Предпочтена послѣдняя, и вотъ по какому случаю. Отъ туркашенскихъ жителей было узнано, что въ одной изъ деревень по дорогѣ къ Ардагану, у какого-то важнаго турна, живетъ дочь грузинскаго священника, захваченная въ ахалкалагскомъ участкѣ во время вторженія туда въ 1853 г. турокъ. Возвращавшемуся отряду представлялась возможность освободить плѣнницу. Переочевавъ въ полѣ, отрядъ съ разсвѣтомъ совершенно неожиданно окружилъ деревню, гдѣ находилась, по предположенію, искомая красавица. На заданные деревенскому старшинѣ вопросы, получился отвѣтъ, что дѣйствительно дочь священника жила здѣсь, но нѣсколько времени тому назадъ похититель увезъ ее въ арданучскій санджакъ. Такое показаніе могло быть ложью; но какъ узнать истину? Оставалось одно средство—пройти по домамъ небольшой деревеньки и осмотрѣть такъ называемые харемы, т. е. тѣ части мазаковъ, въ которыхъ помѣщается женская половина обитателей. Одно согласіе старшины и жителей на такое *серьезное* средство показывало, что дочери священника уже нѣтъ здѣсь дѣйствительно. Поэтому ограничились осмо-

троить только тѣхъ домовъ, въ которыхъ жили пожитель и его родные. Замѣчательно, что при этомъ турки не оказывали особеннаго нерасположенія къ осматривающимъ; выглядывавшія изъ-подъ покрывашъ мелодыя жевщички только посмѣивались; но старуки выходили изъ себя и говорили какія-то, должно быть, некорошія слова гюрамъ, осмѣливающимся заглядывать въ тѣ неприкосновенныя мѣста турецкаго жилища, куда и турокъ турка не пускаеть проникнуть. Поискъ кончился ничѣмъ, и 5-го сентября отрядъ вернулся въ Омеръ-Ага.

9-го сентября къ омеръ-агинскому отряду присоединился летучій отрядъ полковника барона Унгерштернберга, уволенный отъ тяжелой передовой службы для отдыха. Часть летучаго отряда, вѣсть съ прибывшей изъ ахалкаванскаго участка сотней конной милиціи, послана въ Ардаганъ. Баронъ Унгерштернбергъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи, состоявшей въ распоряженіи генерала Базина. На другой день отрядъ нашъ снова былъ усиленъ: изъ Закавказья прибылъ резервный баталіонъ гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, полна и 2-й дивизіонъ резервной легкой батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады.

Такое усиленіе отряда могло наводить на мысль о возможности перемены въ него положенія. И дѣйствительно, 13-го сентября, часовъ въ пять вечера, прискакавшая команда казаковъ привезла начальнику отряда слѣдующее, съ надписью „весьма секретное, въ собственныя руки“, предписаніе главнокомандующаго (*):

„Если въ ночь съ 13-го на 14-е число этого мѣсяца все будетъ у васъ спокойно и не будетъ никакихъ свѣдѣній о движеніи непріятеля, чтобъ можно было ожидать къ 17-му числу нападенія на Ахалцыхъ или Ардаганъ, то предписываю вамъ выступить съ пѣхотой и артиллеріей, взявъ ихъ тяжести, 14-го числа изъ Омеръ-Ага, а 15-го сентября прибыть въ лагерь къ генералъ-маіору Вакланову, чтобъ при Меликъ-Кей, гдѣ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ вашихъ, ежели не найдете предпи-

(*) Приводимое здѣсь предписаніе, а равно и другія, помѣщенные ниже, заимствованы нами изъ походныхъ записокъ генерала Базина. Этими записками мы, съ его разрѣшенія, пользовались также для проверки вашихъ походныхъ замѣтокъ и воспоминаній, за что и приносимъ ему здѣсь искреннюю признательность.

самия моего, то передать вамъ приказанія мои изустно генералъ-маіоръ Баклановъ“.

„При выступленіи вашемъ, прикажите барону Унгерштернбергу оставаться съ кавалеріей въ Омеръ-Ага, вблизи наблюдая партіями и развѣздами надъ гѣльскимъ санджакомъ, ибо получено довольно вѣрное свѣдѣніе, что непріятель рѣшается вырваться изъ Карса“.

„Кавалеріи вамъ болѣе 50 человекъ брать не слѣдуетъ; татаръ вовсе не берите“.

„Сотню конно-мусульманскаго № 5-го полка, находящагося въ блокадной линіи около Карса, я приказывалъ присоединить къ барону Унгерштернбергу“.

„Также прошу ваше превосходительство, съ прибытіемъ въ лагерь генерала Бакланова, изъ вашихъ 3-хъ баталіоновъ составить 4 баталіона, по три роты каждый“.

„Предписаніе мое не выпускать изъ кармана и хранить въ тайнѣ“.

Понятенъ выводъ, который можно было сдѣлать изъ этого предписанія: нашъ отрядъ требуется къ Карсу, чтобъ участвовать въ уничтоженіи турецкихъ войскъ въ карскихъ укрѣпленій. Понятно также оживленіе всего отряда при извѣстии о движеніи.

Утромъ 14-го сентября, оставивъ при Омеръ-Ага и Ардаганъ всю кавалерію, кромѣ $\frac{1}{2}$ сотни донскихъ казаковъ, вѣтъхъ съ отрядомъ, отрядъ двинулся по зимней карской дорогѣ. По знакомому пути войска шли быстро; прекрасная погода увеличивала хорошее расположеніе духа. На небѣ, ни вдали, ни вблизи, ни облачка. Благодаря этому обстоятельству, при приближеніи къ сун-чанскому водопаду (мы говорили о немъ выше), показался во всемъ своемъ величій Араратъ, котораго въ прежніе разы намъ не удавалось видѣть и до котораго по прямой линіи было болѣе 160 верстъ. Смотра издали на эту бѣлую громаду, казавшуюся гигантской сахарной головой, солдатики подтрунивали другъ надъ другомъ, указывая на мѣсто, гдѣ будто бы виднѣлся ноевъ ковчегъ.

На ночлегъ у с. Джелаусъ; пѣхота была переформирована въ четыре трехротные баталіона. 15-го утромъ мы присоединились къ кавалерійскому отряду генерала Бакланова и расположились въ долину, возлѣ крутой и высокой горы, на которой стоялъ этотъ отрядъ. Отсюда до Карса по прямой ли-

ни было вереть 6—7 и намъ были видны карадагскія и чахмакскія укрѣпленія. Казалось, турки замѣтили нашъ приходъ: видно было, какъ съ ближайшихъ къ намъ укрѣпленій мы были разсматриваемы въ подозрныя трубы.

По прибытіи къ Меликъ-Кёю отряда генерала Вазина, онъ, на основаніи переданнаго генераломъ Баглазовымъ приказанія главнокомандующаго, и какъ старшій, принялъ начальство надъ всѣми войсками, у этого пункта находившимися, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ черезъ генерала Баглазова же словесное приказаніе генераль-адъютанта Муравьева о дѣлѣ передвиженія сюда нашего отряда. Приказаніе это состояло не въ разъясненіи приведеннаго выше предписанія главнокомандующаго, а въ томъ, что отрядъ нашъ долженъ штурмовать 17-го сентября чахмакскія укрѣпленія. Такое извѣстіе было сохраняемо въ чрезвычайной тайнѣ, и только ночью 16-го числа, за два часа до движенія къ Карсу, войска узнали что предстоитъ имъ съ разсвѣтомъ.

Утро 16-го сентября было употреблено генераломъ Вазинымъ на ознакомленіе съ чахмакскими высотами и устроенными на нихъ укрѣпленіями. Съ высотъ, на которыхъ расположены были передовые посты отряда генерала Баглазова, въ трубу можно было довольно явственно разглядѣть и тѣ и другія; но для подробнаго изученія мѣстности и укрѣпленій, неоцѣненны были указанія генерала Баглазова. Съ самаго начала блокады, стоя съ своею кавалеріею на высокой горѣ, откуда видѣлись окрестности Карса, постоянно наблюдая въ прекрасную трубу (принадлежавшую когда-то А. П. Ермолову) за всѣмъ происходившимъ у непріятеля, безпрестанно гарцуя вблизи карскихъ полевыхъ укрѣпленій и отбивая турецкій скотъ, едва онъ выходилъ за укрѣпленія для пастьбы (*), генераль Баглазовъ вполне зналъ окружающую Карсъ мѣстность. Кромѣ того, ему

(* Отрядъ генерала Баглазова едва ли не болѣе всѣхъ другихъ блокировавшихъ отрядовъ былъ опасенъ туркамъ, которые вскорѣ узнали имя его начальника и передвѣли его по своему въ *Баглавъ-паша*. Часто отбиваемый у непріятеля скотъ доставлялъ хорошія средства для продовольствія меликъ-кёйскаго отряда, и только что пришелъ отрядъ изъ-подъ Омеръ-Ага, какъ получилъ въ презентъ отъ генерала Баглазова нѣсколько воловъ. Даже ослы, достававшіеся въ добычу, были полезны его отряду: они возили воду изъ протекавшей воляхъ отряда рѣчки, что было очень полезно, такъ какъ подъемъ къ мѣсту расположенія отряда былъ очень крутъ и затруднителенъ. Только съ отлично-намеганной конницей была возможность стоять на такой кручѣ и дѣлать съ нея постоянно быстрые набѣги въ непріятельскую сторону.

были известны въ подробности и самыя чахмахскія укрѣпленія: есть довольно вѣрныя свѣдѣнія, что онъ, дня за три до штурма, пользуясь темнотою ночи, съ избранными донцами, самъ-третей, побывалъ во рвахъ турецкихъ укрѣпленій на Чахмахъ. На основаніи объясненій генерала Бакланова и видѣннаго генераломъ Базинымъ съ аванпостовъ, тутъ же рѣшено было относительно завтрашнихъ дѣйствій. Въ 4 часа пополуночи генералъ Базинъ еще разъ разсматривалъ укрѣпленія изъ кавалерійскаго лагеря, окончательнo условился съ генераломъ Баклановымъ о порядкѣ движенія войскъ къ укрѣпленіямъ и затѣмъ приказалъ къ 6-ти часамъ снять всѣ пѣхотныя караулы, солдатамъ немедленно поужинать и лечь спать.

Канунъ штурма памятенъ намъ по свѣдѣніямъ, которыя получены были въ отрядѣ отъ прибывшихъ изъ главной квартиры офицеровъ—объ оставленіи русскими Севастополя. Всюду въ русскихъ войскахъ такая новость производила одинаковое впечатлѣніе; но она была принята особенно къ сердцу въ нашемъ отрядѣ еще и потому, что онъ состоялъ въ большинствѣ изъ частей 13-й пѣхотной дивизіи, долго стоявшей въ Крыму: въ средѣ нашей было много лицъ, которымъ, кромѣ чувствъ общихъ въ ту пору каждому русскому, грустно было вспоминать время, проведенное въ шумномъ и богатомъ городѣ, обращенномъ теперь въ безобразную груды разваливъ...

Почти одновременно съ такими свѣдѣніями, узнана еще странная новость: ардаганскіе турки знали о завтрашнемъ штурмѣ. Предположенія о штурмѣ держались въ глубокой тайнѣ; войска ничего о томъ еще не знали, и вдругъ пріѣхавшій изъ Ардагана офицеръ сообщаетъ, что тамошніе жители рассказываютъ именно о завтрашнемъ событіи, какъ о несомнѣнномъ. Былъ ли этотъ говоръ выводомъ изъ того, что омеръ-агинскій отрядъ, такъ долго стоявшій на одномъ мѣстѣ, вдругъ притянуть къ Карсу? Такъ или иначе, знали ли въ Ардаганѣ о предстоящемъ штурмѣ, догадывались ли только о томъ, но трудно предполагать, чтобъ въ Карсѣ не произошло такого же явленія, знанія или догадки, тѣмъ болѣе, что тамошнимъ туркамъ было извѣстно, какъ мы и говорили выше, о прибытіи нашего отряда къ Меликъ-Кёю. О говорѣ ардаганскихъ жителей тотчасъ же донесено главнокомандующему.

Въ 10 часовъ вечера всѣ начальники частей омеръ-агинскаго отряда были собраны къ генералу Базину, который и

объявилъ имъ о предстоящемъ съ разсвѣтомъ штурмѣ, разяснилъ въ подробности порядокъ слѣдованія войскъ и атаки неприятельскихъ укрѣпленій, а также мѣры, которыя слѣдовало принять для возможно-незамѣтнаго движенія къ чахмакскимъ высотамъ. Затѣмъ солдаты разбужены, имъ объявлено о штурмѣ, выбраны охотенки. Къ началу 12 часа ночи всѣ распоряженія окончены, и въ полночь войска выступили изъ лагеря налегѣвъ, оставивъ ранцы и всѣ тяжести на мѣстѣ подъ прикрытіемъ казаковъ. По соединеніи пѣхоты съ кавалеріей генерала Вакланова въ дощивѣ, образуемой у Меликъ-Кёя рѣкою Бердыкъ-су, колонна двинулась по назначенію.

Всего въ этой колоннѣ, назначенной для дѣйствій противъ чахмакскихъ укрѣпленій подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Базина, состояло:

Пѣхоты: два баталіона Бѣлостовскаго пѣхотнаго полка и резервный баталіонъ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, переформированные въ четыре трехротные баталіона—4 баталіона; горійской пѣшей дружины—1 сотня.

Кавалеріи: Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка—8 эскадроновъ; Донскаго казачьяго № 35-го полка—5 сотенъ; сборно-линейнаго № 1-го полка—5 сотенъ.

Артилеріи: пѣшей: 1-й дивизионъ легкой № 2-го батареи 13-й артилерійской бригады и 2-й дивизионъ резервной легкой батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады—8 орудій; *конной:* донской конно-артилерійской № 6-го батареи—7 орудій; конно-ракетной команды—8 станковъ.

Итого: 2,580 штыковъ, 1 сотня пѣшей милиціи, 8 эскадроновъ, 10 казачьихъ сотенъ, 15 орудій и 8 ракетныхъ станковъ; всего же до 5,500 человекъ и 3,000 лошадей (*).

(*) Въ прекрасной статьѣ г. Черкесова, помѣщенной въ „Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба“ 1862 г., подъ заглавіемъ „Блокада Карса въ 1855 г.“, составъ колонны генерала Базина определенъ въ 2 баталіона, 16 пѣшихъ орудій, 8 эскадроновъ, 12 сотенъ и 8 конныхъ орудій. Не зная данныхъ, которыя ввели автора въ заблужденіе относительно дѣйствительной силы этой колонны, мы сочли необходимымъ обратить здѣсь на такую ошибку вниманіе въ особенности потому, что въ числѣ матеріаловъ для статьи г. Черкесова у него были, какъ видно изъ самой статьи, „Журналъ военныхъ дѣйствій въ Азиатской Турціи въ 1855 г.“ и „Дѣло генеральн. штаба отдѣл. кавказск. корпуса о сдачѣ Карса“.

Прикрываемая сотнею казаковъ, пѣхота (два баталіона въ ротныхъ колоннахъ и два въ колоннахъ къ атакѣ) съ пѣшей артилеріей слѣдовала впереди; за нею, при сотнѣ горійской милиціи, шли повозки для раненыхъ и вьюки съ патронными ящиками; кавалерія съ конной артилеріей и конно-ракетной командой замыкала колонну. Одновременно съ движеніемъ этой колонны отъ р. Бердыкъ-су, дивизионъ упомянутого выше драгунскаго полка, съ однимъ орудіемъ донской конной № 6-го батареи, посланъ на правый берегъ Карсъ-Чая, для наблюденія за непріятелемъ со стороны карадахскихъ высотъ.

Всѣ мѣры были приняты къ тому, чтобъ непріятель не могъ замѣтить нашего движенія: колеса и вальки въ артилеріи и повозкахъ обвязаны соломой; лошади, привыкшія ржать, оставлены въ лагерѣ; пѣхотѣ приказано держать ружья штыкомъ внизъ, чтобы лунный свѣтъ, отражаясь на нихъ, не могъ измѣнить намъ; для избѣжанія нечаяннаго выстрѣла, капсюли сняты со стержней, а у кремневыхъ ружей наложены на огнива чехлы; даже въ отношеніи собакъ, которыхъ всегда такъ много при пѣхотѣ, сдѣланы распоряженія: изъясняя лаею свое удовольствіе при движеніи, онѣ были въ настоящую минуту опасны, и потому оставлены въ лагерѣ на привязи (*).

Благопріятствуемое лунною ночью, шествіе войскъ совершалось въ строгомъ порядкѣ; полная тишина соблюдалась во всей колоннѣ: ни рѣзкаго звука, ни даже голоса, не раздавалось въ ночной тишинѣ. Только мѣрный шагъ пѣхоты да топотъ лошадей слегка были слышны; но и этотъ глухой, монотонный гулъ относился отъ колонны лишь на нѣсколько шаговъ.

Въ два часа пополуночи, по указываемой генераломъ Баклановымъ дорогѣ, колонна прибыла къ подножію чахмакскихъ высотъ и, не доходя нѣсколько до Чахмакъ-Чая, расположилась на привалѣ, въ ожиданіи времени къ началю штурма. Здѣсь вызваны охотники, съ роты по десяти, и изъ нихъ составлена цѣпь; правая половина которой поручена прибывшему вечеромъ въ нашъ отрядъ адъютанту главнокомандующаго, капитану Ермолову; съ другой половиной рѣшилъ идти самъ генералъ Базинъ; повторено строжайшее приказаніе не стрѣлять до занятія непріятельскихъ укрѣпленій. Затѣмъ, мы прилегли

(*) Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, перегрызая веревки, явились на чахмакскихъ высотахъ: мы видѣли во время боя лежащаго безъ головы солдата и возлѣ него убитую собаку.

за снатоуь, но сырой сентябрскій ночной холодъ и ожиданіе мѣшали вздремнуть.

Чтобъ имѣть понятіе о томъ, что предстояло намъ впереди, необходимо сказать нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Карса и его укрѣпленіяхъ вообще, и болѣе подробно о чахмакскихъ высотахъ и бывшихъ на нихъ укрѣпленіяхъ.

Крѣпость Карсъ расположена на правомъ берегу Карсъ-Чая и состоитъ изъ цитадели и каменной стѣны съ башнями. Часть крѣпости и отдѣленная отъ нея на востокъ и югъ предмѣстья лежатъ на равнинѣ, на которой устроены были укрѣпленія такъ называемаго нижняго лагеря, состоявшія изъ двойной ограды. На сѣверо-востокъ отъ крѣпости, на правомъ же берегу рѣки, находятся карадахскія высоты, на которыхъ была устроена дѣлая линія укрѣпленій. Весь прилегающій къ крѣпости лѣвый берегъ рѣки состоитъ изъ высотъ, которыя раздѣляются лощиной (идущей въ сѣверо-западномъ направленіи и превращающейся въ глубокой и крутой оврагъ) на двѣ части; изъ нихъ южная носитъ названіе шорахскихъ, сѣверная чахмакскихъ высотъ. Изъ укрѣпленій, расположенныхъ на тѣхъ и другихъ высотахъ, важнѣйшимъ былъ редутъ Вели-Паша-Табія, построенный на высотѣ, командовавшей какъ всею возвышенностію лѣваго берега Карсъ-Чая, такъ и Карадагомъ и цитаделью.

Чахмакскія высоты представляютъ эллипсоидную плоскость, покрытую большими камнями и ограниченную съ трехъ сторонъ чрезвычайно круто: на сѣверо и юго-востокѣ плоскость эта оканчивается почти отвѣснымъ обрывомъ къ Чарсъ-Чаю, образуящему тутъ полукругъ съ юга на сѣверо-западъ; а на сѣверо-западѣ спускается весьма круто къ Чахмахъ-Чаю. Съ четвертой, юго-западной стороны, чахмакскія высоты отдѣляются отъ шорахскихъ лощиной, которая спускается къ югу до берега Карсъ-Чая, а къ сѣверу постепенно превращается въ глубокой и крутой оврагъ у д. Чахмахъ. Въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ, чахмакское плато раздѣляется еще на двѣ части лощиной у д. Калаба-Килиса; по этой-то лощинѣ и проходилъ единственный удобный для всѣхъ трехъ родовъ оружія подъемъ (по немъ и шла наша колонна) на плато, которое постепенно возвышается къ Карсъ-Чаю въ юго-восточномъ направленіи, образуя здѣсь какъ бы два уступа. На вершинахъ чахмакскихъ высотъ была расположена въ направленіи

съ сѣверо-востока на юго-западъ линія укрѣпленій, запиравшая собою доступъ въ дугу Карсъ-Чая, отдѣлившая здѣсь чакмахскія высоты отъ карадахскихъ.

Укрѣпленія эти, названныя *англійскими линіями*, за которыми была расположена часть турецкаго лагеря, состояли изъ трехъ люнетовъ, связанныхъ между собою брустверами; находившійся на правомъ флангѣ линія люнетъ примыкала къ самому карсъ-чайскому обрыву; слѣдующіе же два, закрытые съ горжи, представляли изъ себя какъ бы редуты. На правомъ же флангѣ устроены были, для обстрѣливанія карсъ-чайскаго оврага, два ровика для стрѣлковъ. На лѣвомъ флангѣ, линія люнетовъ соединялась, также посредствомъ бруствера, съ весьма сильной профили редутомъ Вели-Паша-Табія, имѣвшимъ прочный деревянный блокгаузъ. О значеніи этого редута для всѣхъ карскихъ укрѣпленій мы уже говорили. Высота, на которой расположена была Вели-Паша-Табія, отдѣлялась отъ вершинъ, на которыхъ построены люнеты, ложиной; по краю ея, ближайшему къ люнетамъ, тянулся перпендикулярно къ нимъ траверсъ, постепенно отъ укрѣпленій понижавшійся (*).

Всѣ три люнета и редутъ, усиленные волчьими ямами, еще не вездѣ оконченными, были вооружены артилеріею по преимуществу большаго калибра, въ особенности же Вели-Паша-

(*) Въ такомъ видѣ находились эти укрѣпленія въ день штурма 17-го сентября. Впослѣдствіи, въ ожиданіи новой атаки, они были усилены. Такимъ образомъ, между прочимъ, вмѣсто траверса, тянувагося перпендикулярно къ линіи люнетовъ, и о которомъ мы только что упомянули, появились *Улиамсъ-Паша-Табія*, служившая какъ бы редюитомъ для англійскихъ линій и обезпечивавшая отступление турокъ отсюда въ крѣпость.

Это позднѣйшее дополненіе къ укрѣпленіямъ ввело въ заблужденіе г. Черксова (о статьѣ котораго „Блокада Карса въ 1855 г.“ мы упомянули въ предшествующемъ примѣчаніи): въ описаніи дѣйствій коловны генерала Базина онъ говоритъ, *впрямую на основаніи англійскихъ источниковъ*, что „турки удержались, однако, въ Улиамсъ-Паша-Табіи, благодаря небольшимъ поддержаніямъ, прибывшимъ съ Карадага“.

Сдѣлаемъ по этому поводу два замѣчанія. 1. Въ англійскихъ линіяхъ наша пѣхота находилась нѣсколько часовъ: въ это время укрѣпленія были сняты и оказались въ томъ видѣ, какъ нами описано. 2. Если предположить, что въ съемку, произведенную на глазъ и подъ искрестнымъ огнемъ, могли вкратъ ошибки, то все же не до такой степени грубыя, какъ пропускъ большаго укрѣпленія; притомъ войскамъ трудно было бы ошибиться въ томъ, существовало ли тогда такое-то, занятое непріятелемъ укрѣпленіе, которое противъ нихъ дѣйствовало. А этого-то укрѣпленія—Улиамсъ-Паша-Табія—пѣхота генерала Базина не замѣтила, хотя, судя по плану, приложенному къ статьѣ г. Черксова, стояла возлѣ него.

Табіа. Защитниками англійскихъ линій были три анатолійскихъ баталіона и лазы; впоследствии, во время боя, въ редутъ видѣлись и солдаты арабистанскаго полка, весьма замѣтные по бѣлому своему костюму.

Пѣхотѣ генерала Базина предстояло овладѣть линіею описанныхъ люнетовъ, въ случаѣ же возможности и самой Вели-Паша-Табіей. Дѣйствія кавалеріи обусловливались ходомъ дѣла въ пѣхотѣ. Дѣйствія колонны генерала Базина вообще должны были начаться нѣсколько позже атаки Шораха и сигналомъ для ихъ начала назначены выстрѣлы вправо отъ насъ — въ главныхъ силахъ.

Забрезжилась заря 17-го сентября. Было слышно, какъ въ непріятельскомъ лагерѣ били утреннюю зорю; слышался и призывъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Затѣмъ на полчаса все стихло. Въ четыре съ половиною часа утра послышались выстрѣлы и заблестѣли огоньки направо отъ насъ: главные силы начали свое дѣло. Тогда и нашъ отрядъ, ставшій тотчасъ въ ружье, перекрестясь, тронулся съ мѣста.

Несмотря на нѣкоторыя затрудненія, представлявшіяся сначала переходомъ въ бродъ Чахмахъ-Чая, а потомъ весьма крутымъ и каменистымъ подъемомъ, для преодоленія котораго артилеріею потребовалась помощь пѣхоты, отрядъ быстро поднялся на чахмахскія высоты. Пройдя съ полверсты, стали видны укрѣпленія, которыя намъ предстояло штурмовать. Несмотря на густой туманъ, можно было разглядѣть орудія и замѣтить сѣвшія къ укрѣпленіямъ войска. Вскорѣ обозначилось, что турки заняли свои мѣста: укрѣпленія какъ бы удвоились въ своей высотѣ. Можно было предполагать, что непріятель здѣсь, хотя и былъ потревоженъ въ своемъ снѣ послѣ утренней молитвы выстрѣлами сосѣднихъ укрѣпленій, не ожидалъ, однакожь, наступленія съ этой стороны: нами не было замѣчено впереди укрѣпленій, ни постовъ, ни цѣпи непріятельскихъ.

Мы двигаемся впередъ по указываемой генераломъ Баклановымъ дорогѣ. Отрядный хирургъ хлопочетъ о назначеніи мѣста для перевязочнаго пункта. Нужно знать, въ какомъ разстояніи находимся мы отъ укрѣпленій. Вопросъ этотъ предлагается генералу Бакланову, который отвѣчаетъ: „они подпустятъ насъ близко и не будутъ стрѣлять до картечнаго выстрѣла; теперь мы отъ батарей на пушечный выстрѣлъ“. Тотчасъ же указано мѣсто для перевязочнаго пункта въ на-

ходившейся на лѣво лощинѣ, куда приказано направиться и полусотнѣ горійской милиціи.

Мы подвигаемся молча; охотники рвутся впередъ, такъ что нужно ихъ сдерживать, чтобъ не слишкомъ опередили колонны; кавалерія принимаетъ влѣво. Непрiятель тоже молчитъ; замѣтно только увеличеніе числа людей за брустверами. Наконецъ, надъ нашими головами прожужжало одно ядро справа, пущенное съ Шораха. Генераль Базинъ приказываетъ бить „бой къ атакъ“, обнажаетъ шашку, крикнулъ: „съ нами Богъ, ура, молодцы“, и вся цѣпь охотниковъ, съ генераломъ Базинымъ на лѣвомъ и капитаномъ Ермоловымъ на правомъ флангахъ, бросается впередъ съ крикомъ „ура!“, направляясь на лѣвый уголъ крайняго къ карсъ-чайскому обрыву укрѣпленія. Пѣхотныя колонны не отстаютъ отъ охотниковъ. Другая половина горійской сотни направляется, по краю карсъ-чайскаго обрыва, на правую сторону атакованнаго люнета.

Укрѣпленія еще нѣсколько секундъ молчатъ. Въ бѣгущей нѣсколько въ гору пѣхотѣ крики начинаютъ прерываться. Наконецъ, въ разстояніи ближняго картечнаго выстрѣла, мелькнули огоньки, посыпалась картечь. Туманъ, дотолѣ покрывавшій укрѣпленія, потрясенный орудійнымъ громомъ, быстро поднялся и они сдѣлались явственно видны. Пѣхота пріостановилась на нѣсколько мгновеній; въ колоннахъ нѣкоторые солдаты приклонились къ землѣ; раздалось съ нашей стороны два-три ружейныхъ выстрѣла. Генераль Базинъ вновь крикнулъ „ура!“. Другой и третій картечные выстрѣлы и градъ ружейныхъ пуль со стороны непрiятеля. Вся пѣхота ринулась за охотниками, пробравшимися уже между волчьихъ ямъ и лѣзшими на брустверьъ. Началась свадка. Пошелъ въ дѣло штыкъ. Отбивавшихся банниками непрiятельскихъ артиллеристовъ колотили по головамъ прикладами. Турки бросили укрѣпленіе и кинулись частію въ сосѣдній люнетъ, а въ большинствѣ въ карсъ-чайскій оврагъ, куда были сопровождаемы ружейными выстрѣлами; иные забивались въ палатки.

Въ занятіи перваго укрѣпленія участвовала почти вся пѣхота: почти одновременно съ линіей ротныхъ колоннъ, очутились на валу и колонны къ атакъ второй линіи, нѣсколько правѣ взятаго укрѣпленія. Въ укрѣпленій осталась только одна артилерія. Немедленно для нея отбита рогатка, запиравшая одинъ изъ входовъ, ближайшихъ къ взятому люнету. Шед-

шій впереди взводъ легкой № 2 батареи 13-й артиллерійской бригады быстро вошелъ въ укрѣпленія и снялся съ передковъ; къ нему пристраивались другія орудія. Тотчасъ открытъ огонь по второму люнету. Обстрѣлянный картечью, онъ мгновенно занятъ пѣхотой.

Турки бросились къ третьему люнету, намѣреваясь тутъ устроиться: замѣтно было, что солдаты ихъ становятся къ своимъ значкамъ. Но пѣшая артилерія, съ посаженной на орудія прислужкой, подскакиваетъ къ нимъ; въ то же время генералъ Баклановъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями пѣхоты, направляетъ къ третьему же люнету конную артилерію. Открытый съ двухъ сторонъ артиллерійскій огонь не далъ возможности туркамъ держаться и здѣсь. Атакованные пѣхотой, они бѣжали къ крѣпости и къ Вели-Паша-Табіи.

Вся линія люнетовъ, на разстояніи саженъ 300, отъ праваго люнета до траверса, за которымъ шла лощина, отдѣлявшая насъ отъ Вели-Паша-Табіи, была въ нашихъ рукахъ съ своими 12 орудіями; въ нашихъ же рукахъ находился и весь неприятельскій лагерь, два знамени и 12 значковъ.

Въ Вели-Паша-Табіи приготовлялись къ серьезному отпору; видно было, какъ съ разныхъ сторонъ пробирались въ нее турецкіе солдаты. Въ ожиданіи результата дѣйствій главныхъ силъ со стороны шоракскихъ высотъ, пѣшая артилерія расположилась за траверсомъ; сзади артилеріи, успѣвшая уже собраться въ колонны, прилегла пѣхота, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ два лѣвые люнета. Крайній правый люнетъ генералъ Базинъ приказалъ занять спѣшеннымъ казакамъ; но генералъ Баклановъ предупредилъ приказаніе, выславъ уже для этой цѣли сотню донцовъ, къ которымъ впоследствии придана еще рота гренадеровъ. Капитанъ Ермоловъ посланъ къ главнокомандующему съ словеснымъ донесеніемъ объ одержанномъ успѣхѣ и съ просьбой прислать подкрѣпленіе для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Огонь артилеріи, какъ пѣшей, такъ и конной, обращенъ противъ Вели-Паша-Табіи. Хотя легкой артилеріи нашей и трудно было бороться съ орудіями большаго калибра, находившимися въ этомъ редутѣ, но, несмотря на то, дѣйствіе нашей артилеріи, въ особенности же дивизиона легкой № 2 батареи 1-3й артиллерійской бригады, находившагося подъ прямыми выстрѣлами съ Вели-Паша-Табіи, превосходили всякую

похвалу за свое хладнокровіе и искусство (*). Въ особенности же обращало на себя вниманіе первое орудіе этого дивизиона. Ему неудобно было дѣйствовать изъ-за траверса; пришлось поставить вправо на совершенно открытомъ мѣстѣ. И несмотря на то, что въ короткое время при этомъ орудіи осталось, вмѣсто семи, только три нумера прислуги, оно дѣйствовало до такой степени удачно, что сбило наконецъ одно изъ орудій редута, богѣ другихъ наносившее ему вредъ.

Артилерія наша дѣйствовала, говоримъ, отлично. Тѣмъ не менѣе мы несли большія потери и вообще находились далеко не въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ турки въ редутѣ: мы дѣйствовали противъ него ядрами и гранатами, а онъ, стрѣляя изъ амбразуръ и отвѣчая намъ отчасти тѣмъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ осыпалъ насъ картечью. Въ особенности сильно терпѣла артилерійская прислуга, такъ что вскорѣ пришлось замѣнить часть выбывшихъ изъ строя артилеристовъ пѣхотными солдатами изъ числа обучавшихся прежде дѣйствию изъ орудій. Кромѣ того, вскорѣ послѣ расположенія нашего за траверсомъ, былъ открытъ огонь по отряду и съ праваго берега Карсъ-Чая, такъ что мы очутились подъ тройнымъ перекрестнымъ огнемъ: Вели-Паша-Табія осыпала насъ съ фронта по преимуществу картечью; карадагскія батареи начали дѣйствовать въ нашъ тылъ, а подвезенныя къ правому берегу, взятыя съ дальнихъ карадагскихъ же укрѣпленій орудія направляли свои выстрѣлы въ лѣвый нашъ флангъ. Хотя дѣйствія артилеріи съ Карадага сначала не наносили намъ большаго вреда, но цѣльность ея выстрѣловъ постепенно увеличивалась. Имѣя всю свою артилерію занятою редутомъ, мы не могли отвѣчать Карадагу. Правда, въ нашихъ рукахъ было 12 непріятельскихъ орудій, которыми удобно было бы дѣйствовать въ ту сторону, но ими нельзя было воспользоваться: орудійная принадлежность была унесена турками при оставленіи ими укрѣпленій. Только въ крайнемъ правомъ люнетѣ занимавшіе его казаки случайно отыскали банникъ и пальникъ и успѣли сдѣлать одинъ или два выстрѣла по Карадагу.

Около девяти съ половиною часовъ утра, стоявшія за траверсомъ войска замѣтили, что турки намѣреваются изъ ложи-

(*) Большее хладнокровіе этого дивизиона, въ сравненіи съ стоявшимъ рядомъ съ нимъ дивизиономъ резервнымъ, можно вывести изъ того, что въ первомъ, хотя онъ началъ дѣйствія раньше втораго, выпущено почти вдвое менѣе снарядовъ.

ны, отдѣлявшей насъ отъ Вели-Паша-Табии, идти на выручку занятыхъ нами укрѣпленій. Вскорѣ затѣмъ получено отъ генерала Бакланова извѣстіе о неуспѣшномъ ходѣ дѣлъ въ главныхъ силахъ. Генераль этотъ, имѣвшій средства знать что дѣлается на шорахскихъ высотахъ, передалъ о томъ въ такихъ выраженіяхъ: „на шорахскихъ высотахъ еще ничего не сдѣлано: дерутся; пѣхотѣ нужно или укрѣпиться, гдѣ стоять, или отступить“. Вскорѣ затѣмъ кѣпитанъ Ермоловъ вернулся отъ главнокомандующаго съ благодарностію за успѣшныя дѣйствія нашего отряда, съ извѣщеніемъ, что подрѣпленіе намъ прислано быть не можетъ, и съ приказаніемъ держаться возможно долѣе во взятыхъ укрѣпленіяхъ. Ермоловъ повторилъ извѣстіе о неудачѣ дѣйствій противъ шорахскихъ укрѣпленій.

При такихъ условіяхъ и въ виду потерь, понесенныхъ нашимъ отрядомъ и особенно сильныхъ въ пѣшей артилеріи, генераль Базинъ нашелъ своевременнымъ черезъ полчаса начать отступление. Артилерія была выведена изъ укрѣпленій и расположена частію противъ Вели-Паша-Табии, частію же за рвами соединявшихъ люнеты брустверовъ. Пѣхота оставлена въ двухъ лѣвыхъ, съ горжи закрытыхъ, люнетахъ и поставлена во рвахъ соединительныхъ брустверовъ. Такое расположеніе пѣхоты давало ей возможность стать, въ случаѣ надобности, въ прежнее положеніе и вообще выполнить требованіе главнокомандующаго — держаться въ укрѣпленіяхъ возможно долѣе.

Выведенная изъ укрѣпленій, артилерія, находясь на совершенно открытомъ мѣстѣ, понесла еще большія потери. По замиѣнѣ убитыхъ орудійныхъ лошадей ящичными, въ нѣкоторыхъ ящикахъ осталось по одной лошади, тогда какъ въ иныхъ орудіяхъ было всего по двѣ. Такое обстоятельство заставило генерала Базина приказать пѣшей артилеріи, прикрываясь придвинутой къ укрѣпленіямъ кавалеріей, выйти изъ-подъ неприятельскихъ выстрѣловъ. Она отступила, везя на лафетахъ тѣхъ раненыхъ, которыхъ не успѣли еще прибрать.

Между тѣмъ турки, устроившіеся въ нарсь-чайскомъ оврагѣ и въ люцинѣ, отдѣлявшей Вели-Паша-Табію отъ люнетовъ, направились противъ занимавшей укрѣпленія пѣхоты, по преимуществу же на крайній лѣвый люнетъ, ближайшій къ реду. Три раза бросались они на послѣдній, но всякій разъ

были отбиваемы штыками и ружейнымъ огнемъ. При приближеніи турокъ къ укрѣпленіямъ, наши солдаты, возбуждаемые присутствіемъ и словами генерала Базина, вскакивали на брустверь и, какъ бы красуясь въ дыму, наносили сверху удары лѣвшему на свои укрѣпленія непріятелю.

Одновременно съ атаками турокъ, артилерія редута обратила свой огонь противъ нашей пѣхоты. И здѣсь нельзя не отдать справедливости ловкому дѣйствию непріятельскихъ орудій: послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ редута, которые были, такъ сказать, пробными при перемѣнѣ направленія, почти каждый снарядъ началъ афидировать занятую пѣхотой линію рвовъ.

Въ двѣнадцатомъ часу получено извѣстіе объ отступленіи колоннъ, направленныхъ на шоракскія высоты. Держаться долѣе здѣсь было совершенно бесполезно. Генералъ Базинъ приказалъ пѣхотѣ отступать подъ прикрытіемъ кавалеріи.

Отступая изъ люнетовъ и рвовъ, пѣхота не могла, конечно, тотчасъ же идти въ томъ порядкѣ, какъ наступала: при занятіи люнетовъ и рвовъ роты перемѣшались между собою. Выстраиваясь въ порядокъ, она первое время представляла изъ себя почти сплошную массу, изъ которой производилась стрѣльба; иной молодой солдатъ, отступая, стрѣлялъ черезъ плечо вверхъ.

Въ то время, когда наша пѣхота занимала укрѣпленія, атака непріятеля производилась, какъ мы говорили, по преимуществу противъ ближайшаго къ редуту люнета; съ другихъ сторонъ турки не показывались. Теперь же, когда вся линія укрѣпленій была нами оставлена, она вся немедленно покрылась непріятельскими солдатами, какъ-будто бы они выросли изъ земли: теперь явились на свои мѣста и тѣ турки, которые, при взятіи нами укрѣпленій, бросились въ карсъ-чайскій оврагъ и тамъ, какъ надо помогать, отсиживались до поры до времени.

При началѣ отступленія, турки провожали насъ изъ оставленныхъ нами укрѣпленій только ружейнымъ огнемъ. Не выведенная нами непріятельская артилерія дѣйствовать не могла: хотя пѣхота и не имѣла возможности заклепать орудія *по вѣтмъ существующимъ для того правиламъ, по неимѣнію на то средствъ*, но все-таки, благодаря случайно найденному гвоздю или песку, запалы орудій были засорены достаточно, чтобы мѣшать заря-

жанію и стрѣльбѣ изъ нихъ. Затѣмъ турки вздумали было атаковать отступающую пѣхоту: толпы ихъ высыпали изъ укрѣпленій, но дорого за то поплатились. За лѣвымъ флангомъ пѣхоты находился сборный линейный полкъ, подъ командою флигель-адъютанта полковника Витгенштейна. Дивизионъ этого полка, посланный генераломъ Базинымъ въ атаку, подъ начальствомъ полковника Витгенштейна, понесся на турокъ и ударилъ въ правый ихъ флангъ. Опрокинутая турецкая пѣхота бѣжала, преслѣдуемая до самыхъ укрѣпленій казаками. Подъ конецъ, турки еще пытались выйдти изъ укрѣпленій, но удачное дѣйствіе выставленныхъ противъ нихъ конгревовыхъ ракетъ заставило ихъ прекратить попытки къ наступленію.

Прикрываемая кавалерією и конною артилерією, пѣхота отходила назадъ спокойно; изрѣдка только летѣли въ нее артилерійскіе снаряды изъ Вели-Паша-Табіи и съ Карадага, который посылалъ ихъ изъ крайняго своего сѣвернаго укрѣпленія. Пѣхота отошла отъ укрѣпленій уже версты на полторы. Въ это время генераль Бавлановъ замѣтилъ, что какая-то часть войскъ пробирается съ шоракскихъ укрѣпленій въ нашу сторону. То былъ 1-й баталіонъ Рязанскаго полка, подъ начальствомъ полковника фонъ-Кауфмана, усиленный охотниками изъ разныхъ частей. Посланный на подкрѣпленіе колонны генерала Майделя и отрѣзанный отъ прочихъ войскъ турками, онъ могъ, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ укрѣпленій и нѣсколько разъ отбивъ атаки преслѣдовавшихъ его турокъ, пробраться только въ нашу сторону. Прежде, чѣмъ посланный отъ полковника фонъ-Кауфмана казакъ могъ доскакать до нашего отряда и дать знать, въ чемъ дѣло, пѣхота у насъ была уже пріостановлена, и конная артилерія, подъ прикрытіемъ дивизиона свѣшанныхъ драгуновъ (*), выдвинута противъ ближайшей шоракской батареи. Обративъ на себя ея огонь, конная батарея способствовала дальнѣйшему отступленію рязанцевъ, которые, наконецъ, и успѣли спуститься въ оврагъ, отдѣлявшій шоракскія высоты отъ чакмахскихъ.

Дѣйствіе конной батареи было послѣднимъ дѣйствіемъ колонны генерала Базина на чакмахскихъ высотахъ. Войска съ своими ранеными возвратились въ лагерь. Генераль Базинъ

(*) Драгуны эти были свѣшны, чтобъ представлять меньшую цѣль для непріятельской артилеріи.

послалъ впередъ своего адъютанта съ приказаніемъ отдѣлить для раненыхъ 30 палатокъ, приготовить имъ сѣно и солому для подстилки.

По возвращеніи въ лагерь, началось сведеніе счетовъ потерь и трофеевъ. Изъ 5,500 человекъ, составлявшихъ колонну генерала Базина, выбыло изъ строя 472 человека: убитыхъ 92 (въ томъ числѣ 1 оберъ-офицеръ), раненыхъ 260 (въ томъ числѣ 5 штабъ и оберъ-офицеровъ), контуженныхъ 94 (въ томъ числѣ 10 штабъ и оберъ-офицеровъ) и 26 безъ вѣсти пропавшихъ. Почти $\frac{7}{8}$ изъ этой убыли пришлось на долю пѣхоты и пѣшей артилеріи, какъ главныхъ дѣйствователей при штурмѣ. Кромѣ того, выбыло 83 лошади. Изъ 12 орудій, взятыхъ въ укрѣпленіяхъ, можно было вывезти на казачьихъ лошадяхъ только 4 болѣе легкихъ, да и изъ нихъ одно оказалось неудобнымъ къ перевозкѣ и брошено въ карсъ-чайскій оврагъ; взято два знамени, 12 значковъ и 7 плѣнныхъ. Въ числѣ трофеевъ могъ быть и весь турецкій лагерь, находившійся за атакованными колонной генерала Базина укрѣпленіями: въ продолженіе почти шести часовъ онъ находился въ нашихъ рукахъ. Но, по неимѣнію средствъ къ вывозу этого имущества въ отрядомъ (*), онъ оставленъ почти въ томъ же видѣ, какъ и взятъ. Войска наши едва-ли чѣмъ и попользовались изъ турецкаго имущества, хотя въ лагерь была одна палатка — лавка съ коврами и другими принадлежностями лагерной жизни турка. Развѣ казаки, бывшіе въ укрѣпленіяхъ, да милиціонеры поживились чѣмъ-нибудь болѣе цѣннымъ; изъ пѣхотныхъ же солдатъ немногіе успѣли захватить кой-какой драни, въ родѣ шальваръ да фесокъ.

Потери нашего отряда, значительныя сами по себѣ, были, если считать убыль только въ пѣхотѣ и пѣшей артилеріи, не менѣе потерь, понесенныхъ войсками, атаковавшими шоракскія укрѣпленія. Но трофеи, добытые при штурмѣ, принадлежали почти исключительно колоннѣ генерала Базина.

Первые дни послѣ штурма, въ лагерь нашемъ шла дѣятельная работа докторовъ: перевязки ампутаціи. Все это производило на зрителя чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Но если отъ великаго до смѣшнаго только шагъ, то едва-ли болѣе отъ раздражающихъ душу картинъ до вызывающихъ улыбку.

(*) Отрядъ не имѣлъ даже средствъ къ вывозу своихъ убитыхъ, которые, къ сожалѣнію, остались на мѣстѣ боя.

Въ числѣ тяжело-раненыхъ въ нашемъ отрядѣ, былъ артиллерійскій кузнецъ. Передъ самымъ началомъ штурма, онъ успѣлъ порядочно выпить. Когда орудія введены были въ укрѣпленія, непріятельскій огонь и спиртъ произвели на кузнеца одуряющее дѣйствіе: забывъ свою обязанность быть возлѣ походной кузницы, онъ схватилъ ружье съ убитаго и бросился впередъ, крича во все горло, что надо идти дальше. Досталось ему отъ подлежащаго начальства за такую неумѣстную храбрость, а въ заключеніе картечь перебила ему обѣ ноги. Въ то время, какъ кузнецъ храбрился, ученикъ его, изъ цыганъ, дѣлалъ наблюденія въ непріятельскихъ палаткахъ надъ образомъ жизни турокъ. Когда же храбрецъ находился уже въ лагерѣ и доктора спорили, не слѣдуетъ ли ему отрѣзать обѣ ноги, къ нему является съ словами утѣшенія его ученикъ, одѣтый въ турецкій костюмъ и съ фесомъ на головѣ.... Въ картинѣ лагеря послѣ штурма, разъ появилась еще особая черта: Верховая лошадь одного изъ артиллеристовъ, оставленная на чахмахскихъ высотахъ и считаемая убитою, оказалась въ нашемъ лагерѣ. Несмотря на 11-верстное разстояніе, отдѣлявшее его отъ чахмахскихъ высотъ, она на трехъ ногахъ доплелась до мѣста расположенія отряда и какъ будто просила участія къ ея страданіямъ: коѣно задней ноги было у ней раздроблено, изъ раны вмѣстѣ съ кровью показывался мозгъ. Помощи оказать было нельзя: пришлось пустить ей пулю въ голову.

Утромъ, 21-го сентября, въ лагерь собрались арбы, взятыя у жителей окрестныхъ деревень, для перевозки нашихъ раненыхъ въ лагерь главныхъ силъ и далѣе въ александрапольскій госпиталь. Раненымъ оказывалось со стороны офицеровъ постоянное вниманіе и желаніе чѣмъ кто могъ содѣйствовать ихъ успокоенію. Отправленные теперь 183 раненыхъ были снабжены чаемъ, сахаромъ и собранными для нихъ по подпискѣ деньгами. Въ то же время, вправо отъ нашего лагеря, подъ горою, появилось не мало возвышеній съ водруженными въ нихъ наскоро сколоченными деревянными крестами....

По отправленіи изъ отряда раненыхъ, по сдачѣ въ главной квартирѣ трофеевъ и по пополненіи выпущенныхъ во время штурма зарядовъ и патроновъ, отрядъ генерала Базина получилъ приказаніе вернуться на омеръ-агинскую позицію. 23-го

сентября, въ 5¹/₂ часовъ утра, онъ снялся съ позиціи подѣ Меликъ-Кѣемъ и направился по лѣтней карской дорогѣ мимо Буга-Тапы. Затрудненій по этому пути отрядъ не встрѣчалъ, если не считать затрудненіемъ, что передъ выступленіемъ нужно было принять особыя мѣры къ перевозкѣ лишннихъ боевыхъ патроновъ: при составленіи требованій на пополненіе выпущенныхъ патроновъ, ихъ показано было 55,868; но потомъ оказалось, что второпяхъ показали растрату значительно болѣе [противъ дѣйствительности. Въ тотъ же день, сдѣлавъ 41 версту перехода, отрядъ уже былъ у Омеръ-Ага.

Здѣсь опять пошла жизнь по-старому: въ теченіе цѣлаго мѣсяца никакихъ движеній, ни даже особенно важныхъ извѣстій отъ лазучиковъ. Разъ только ночью сдѣлалась въ отрядѣ тревога, причиненная пожаромъ. За лагеремъ пѣхоты располагалась въ шалашахъ сотня пѣшей горійской милиціи. По ночамъ было уже весьма холодно и легко-одѣтымъ милиціонерамъ вспоминался ихъ обычай имѣть въ своихъ сакляхъ *мангалы*—жаровни съ горячими углями: за неимѣніемъ жаровень, они повывривали въ срединѣ своихъ травяныхъ шалашей ямы и раскладывали въ нихъ огонекъ. Сильный ли вѣтеръ вырвалъ искру изъ одной такихъ ямъ или неосторожность была тому причиной, но въ одно мгновеніе шалаша запылали. Пѣхота живо бросилась разбрасывать шалаша, изъ которыхъ раздавались даже выстрѣлы: нѣкоторые милиціонеры не успѣли вынести своихъ ружей и огонь распорядился ихъ разряжаніемъ. Къ счастью, вѣтеръ дулъ не на пѣхотныя палатки и потому пожаръ [немедленно потушенъ безъ особыхъ происшествій.

При бездѣйствіи отряда, при скудости новостей, естественно было заниматься припоминаніемъ всѣхъ подробностей бывшаго штурма, догадываться о причинахъ его, отыскивать поводы, заставившіе главнокомандующаго предпринять атаку турецкихъ укрѣпленій, которыя и безъ того, по самому ходу блокады, должны были, казалось, вскорѣ перейти въ руки русскихъ войскъ. Топки на эту тему были самыя разнообразныя и много походили на тѣ, которые случалось слышать и впослѣдствіи. Мы не станемъ, однако же, припоминать здѣсь всего слышаннаго, хотя многое было весьма характеристично, если не для объясненія причинъ штурма, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи обрисовки самихъ разсуждаю-

щихъ. Въ особенности теперь эти толки и разсужденія не имѣютъ уже значенія, когда генераль-адъютантъ Муравьевъ, въ своихъ запискахъ, самъ объяснилъ причины штурма. Мы считаемъ за лучшее воспоминанія наши о карскомъ штурмѣ заключить словами главнокомандующаго. Генераль-адъютантъ Муравьевъ предполагалъ приступить къ штурму не прежде, какъ въ позднюю осень, если бы къ той порѣ Карсъ не сдался отъ голода. Но „въ первой половинѣ сентября мѣсяца послѣдовали, одно за другимъ, тревожныя извѣстія, побудившія его измѣнить первоначальный планъ кампаніи. Сперва высадившаяся армія Омера-паши угрожала Ахалцыху и Кутаису и навела страхъ на самый Тиѳлисъ. Съ другой стороны, корпусъ Вели-паши усиливался въ Эрзерумѣ новыми наборами. Войско это могло явиться на вершинахъ Саганлуга и угрожать нашему тылу; по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать заготовленію сѣна, производившемуся въ запасъ на зиму, и оставить насъ вовсе безъ топлива. Вели-паша могъ проникнуть также въ Ольгу и оттуда покуситься на освѣженіе карскаго гарнизона—обстоятельства, которыя крайне развлекли бы силы наши и дали бы поводъ анатолійской арміи пытаться на вылазку или къ уходу изъ крѣпости. Противъ сихъ случайностей принимались еще мѣры; но когда внезапно послышалась, сперва загадочная, пальба, густымъ дымомъ увѣнчавшая карскую цитадель, когда въ тотъ же вечеръ узнали черезъ перебѣжчиковъ, что въ Карсѣ торжествуютъ паденіе Севастополя, и когда, спустя два дня послѣ того, освѣдомились изъ газетъ о семъ горестномъ событіи, тогда поколебались первоначальныя рѣшенія, тогда казалось, что не слѣдовало болѣе держаться плана, начертаннаго при иныхъ обстоятельствахъ. Военныя дѣйствія за Кавказомъ должны были связываться съ событіями, происходившими въ Крыму, и если походомъ къ Эрзеруму вызвана уже была изъ Крыма на берегъ кавказскихъ владѣній нашихъ армія Омеръ-паши, то въ настоящее время надобно было оказать вящую помощь братьямъ нашимъ, подвизавшимся на крымскомъ полуостровѣ, порадовать ихъ, Россію и государя безотлагательнымъ покореніемъ Карса, послѣ чего съ частью войскъ занять Эрзерумъ; а съ другою, обратившись въ Мингрелію, втопить Омеръ-пашу съ его арміею въ море“.

„Если бы палъ подъ приступомъ Карсъ и свершилось бы затѣмъ все предположенное по измѣнившемуся плану кампа-

ни, то не только бы не осудили предпріятія сего, но отнесли бы его къ разряду смѣлыхъ и лучшихъ военныхъ соображеній. Вся война могла принять иной оборотъ, коего послѣдствія еще болѣе оправдывали бы предпріятіе. Но подъ непроницаемой завѣсой закрыта будущность отъ смертныхъ, и потому, не взирая на то, что условія въ пользу успѣха перевѣшивали случайности, которыя могли повредить предпріятію, не могло быть полнаго ручательства въ удачѣ. Не менѣе того, въ тогдашней войнѣ и при подобныхъ обстоятельствахъ, главному начальнику не слѣдовало уклоняться отъ гнета отвѣтственности, ему предстоявшей. Чужды опасенія сіи тамъ, гдѣ дѣйствіями руководить не домогательство славы, а священная любовь къ родинѣ. Видимое изнеможеніе непріятеля, бодрое состояніе войскъ нашихъ, духъ оживлявшій ихъ, негодованіе, порожденное паденіемъ Севастополя, желаніе отмстить врагу и всеобщій порывъ къ бою, служили въ то время лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ, и приступъ Карса былъ рѣшенъ въ мысляхъ генерала Муравьева“ (*).

Ночью 13-го октября генералъ Базинъ получилъ отъ главнокомандующаго секретное предписаніе такого содержанія:

„Въ эту ночь, т. е. съ 12 на 13-е октября, перехвачена казанами почта, пробиравшаяся изъ Эрзерума въ Карсъ. Изъ писемъ этой почты я узналъ, что Вели-паша долженъ былъ 8-го или 9-го октября, двинуться впередъ, но до сихъ поръ свѣдѣній объ этомъ движеніи еще не получено мною. Движеніе это можетъ быть или черезъ Саганлугъ или черезъ Ольту. Потому предписываю: тотчасъ послать лазутчиковъ вашихъ въ Ольту для собранія тамъ надлежащихъ свѣдѣній.—Разъѣзды же ваши должны доходить до Дадашина и Мазарата“ (**).

„Если будете имѣть извѣстіе о движеніи непріятеля изъ Эрзерума, то вамъ слѣдуетъ быть готовымъ выступить немедленно по полученіи приказанія въ Мелик-Кей, для занятія позиціи генерала Бакланова, котораго часть отряда, вѣроятно, тронется, если непріятель спустится черезъ Саганлугъ или пройдетъ черезъ Ольту“.

„Въ письмахъ этихъ говорится также о томъ, что Омеръ-

(*) См. статью: „Изъ записокъ генералъ-адъютанта Муравьева о войнѣ 1855 года въ Малой Азій“, помѣщенную въ январьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1863 г.

(**) Названіе двухъ деревень, лежащихъ въ юго-западной окраинѣ Гѣлы.

наша будетъ дѣйствовать для освобожденія Карса непосредственно (indirectement), о чемъ считаю нужнымъ извѣстить васъ, для вашего свѣдѣнія“.

Заключавшіяся въ этомъ предписаніи свѣдѣнія могли возбудить надежды на новое столкновение нашего отряда съ непріятелемъ. Но получаемыя въ Омеръ-Ага почти ежедневно извѣстія отъ лазутчиковъ нисколько не подтверждали адресованныхъ въ Карсъ вѣстей, быть можетъ, посланныхъ туда съ единственной цѣлю поддержанія духа въ анатолійской арміи. Тѣмъ не менѣе начальникъ отряда немедленно послалъ надежныхъ лазутчиковъ въ Ольту и Батумъ. Вернувшись оттуда, они подтвердили неосновательность извѣстій, въ почтѣ заключавшихся. Генералъ Базинъ послалъ этихъ лазутчиковъ въ главную квартиру.

Началось новое затишье. Изрѣдка разъѣзды ловили одиночныхъ турецкихъ солдатъ, которые ухитрялись пробираться изъ Карса. Свѣдѣнія о непріятелѣ прежнія: въ Ольтѣ войскъ нѣтъ и ни откуда ихъ не ждутъ, и пр. въ такомъ же родѣ. Вся дѣятельность въ отрядѣ сосредоточилась почти исключительно на распоряженіяхъ по заготовленію въ Ардаганѣ, изъ слѣдовавшей съ жителей багры, продовольствія для войскъ на зиму.

31 го октября главнокомандующій потребовалъ къ себѣ начальника отряда, поясняя въ собственноручномъ письмѣ:

„Давно мы не видались, дѣла многоросло и на словахъ можно скорѣй понять его, чѣмъ перепиской; надобно переговорить и о представленіяхъ вашихъ, за которыя вчера только могъ приняться, и о провіантѣ въ Ардаганѣ, и о фуражѣ, и о лѣсѣ. Прошу васъ пріѣхать сюда, передавъ на время отсутствія вашего войска въ командованіе полковника Унгернштернберга. Прикажете юнкеровъ представить къ производству; желаю видѣть, сколько они грамотны и какъ занимаются службой“ (*).

„Государь удостоилъ меня милостивымъ письмомъ. Спасибо вамъ, сослуживцамъ, за мою радость. Помогите намъ Господи порадовать царя“.

Вернувшійся 6-го ноября изъ главной квартиры генералъ

(*) Юнкеровъ было приказано представить къ производству въ офицеры за отличіе при штурмѣ. Замѣчательно, что генералъ-адъютантъ Муравьевъ желалъ убедиться въ грамотности будущихъ офицеровъ и они были проэкзаменованы въ главной квартирѣ.

Базинъ привезъ приказъ о наградахъ за карскій штурмъ и распоряженіе объ упраздненіи омерь-агинскаго отряда.

Отрядъ нашъ одинъ изъ всѣхъ, участвовавшихъ въ бою 17-го сентября, имѣлъ положительный успѣхъ. Естественно было ожидать особенныхъ наградъ. Но главнокомандующій рѣшилъ иначе: не скуной на чины, онъ назначилъ ордена почти безъ исключенія *въ постепенности*. Конечно, генералъ Базинъ ходатайствовалъ о болѣе высшихъ наградахъ для отличавшихся, но получилъ отъ генераль-адъютанта Муравьева отвѣтъ въ такомъ родѣ: „Орденамъ нужно придать надлежащее значеніе; чѣмъ труднѣе будутъ они получаемы, тѣмъ болѣе поднимется ихъ цѣнность. Ордена заслуживаются военными преимущественно на Кавказѣ: здѣсь-то я и хочу придать имъ важность. Всякій скажетъ послѣ: этотъ крестъ я получилъ при Муравьевѣ“.

Приказаніе главнокомандующаго относительно нашего отряда состояло въ томъ, чтобъ два бѣлостокскіе баталіона съ пѣшей артиллеріей и сотней горійской пѣшей дружины направить на усиленіе войскъ въ Ахалцыхъ; резервный баталіонъ гренадерскаго полка присоединить къ стоявшему въ Меликъ-Кёю отряду; бывшую при омерь-агинскомъ отрядѣ кавалерію поставить въ Ардаганъ; въ Омерь-Ага оставить только казачій постъ величиною въ $\frac{1}{2}$ сотни. Генералъ Базинъ принималъ начальство надъ меликъ-кёйскимъ отрядомъ (*), къ которому резервный баталіонъ и присоединился 7-го ноября.

Стоявшая у Меликъ-Кёя кавалерія, какъ и вообще всѣ войска главныхъ силъ, устроились окончательно для зимовки подъ Карсомъ: бараки были у всѣхъ. Но, конечно, прибывшимъ къ Меликъ-Кёю никто не заготовлялъ такихъ помѣщеній и имъ пришлось жить въ палаткахъ. Ноябрьскіе холода давали себя знать и въ окрестностяхъ Омерь-Ага; но здѣсь они были еще чувствительнѣе: отрядъ стоялъ совершенно на юру, открытый всякимъ вѣтрамъ. Укрывавшіеся въ палаткахъ по ночамъ не знали, какъ и согрѣться. Если намъ приходилось жутко отъ холода, намъ, привыкшимъ къ холодамъ, сытымъ и тепло одѣтымъ, то что же должны были чувствовать турецкія войска, и оборванные, и умиравшія съ голоду, и между которыми много было уроженцевъ самыхъ теплыхъ странъ. Побѣги изъ Карса увеличивались; безпрестанно въ отрядъ приводили дезертировъ.

(*) Командовавшій меликъ-кёйскимъ отрядомъ, генералъ Баллановъ, получалъ въ это время другое назначеніе.

Нѣкоторые изъ нихъ, небольшими толпами, думали пробраться во-свои, даже прокладывая себѣ дорогу оружіемъ;

13-го ноября была получена въ лагерьъ подъ Меликъ-Кёемъ вѣсть, что турки намѣрены сдаться. Сообщая объ этомъ начальнику отряда, генераль-адъютантъ Муравьевъ предписывалъ однако принять всѣ мѣры предосторожности на случай, еслибъ турки вздумали во время переговоровъ вырваться изъ Карса. Радость была всеобщая. Генераль Базинъ на-завтра отправилъ завѣдывающаго своимъ штабомъ принести поздравленіе главнокомандующему. Въ главныхъ силахъ являлось еще, впрочемъ, сомнѣніе въ сдачѣ Карса: получаемыя оттуда свѣдѣнія говорили о волненіи въ войскѣ, произведенномъ извѣстіемъ о предстоявшей капитуляціи.

Торжества сдачи, 16-го ноября, нашему отряду, конечно, не удалось видѣть; ему привазано было только въ назначенное для сдачи время быть поближе къ Карсу и наблюдать за тѣмъ, чтобы нѣкоторыя части турецкой арміи не ускользнули изъ него по карсъ-чайской долинѣ. Передъ сдачей, въ ожиданіи ея, главнокомандующій принималъ самыя дѣятельныя мѣры къ обезпеченію мѣстными средствами продовольствія войскъ, которыя останутся на зиму въ Азіатской Турціи. Такимъ образомъ онъ требовалъ заготовленія значительныхъ запасовъ въ Ардаганѣ, и выразилъ очень рѣзко свое неудовольствіе, когда его расчеты не оправдались на дѣлѣ. Слѣдуетъ здѣсь сказать, что отрядомъ омеръ-агинскимъ главнокомандующій постоянно былъ доволенъ, какъ до, такъ и послѣ штурма. Генераль Базинъ не разъ получалъ отъ него предписанія, въ которыхъ говорилось: „Постоянно оставайтесь доволенъ всѣми вашими распоряженіями, я утверждаю ваши представленія“. Даже отрядному штабу главнокомандующій выражалъ свою благодарность за собираемыя имъ свѣдѣнія о неприятелѣ и странѣ. При такихъ условіяхъ, трудно было ожидать мгновеннаго измѣненія отношеній главнокомандующаго къ начальнику отряда. И между тѣмъ, въ самый день сдачи Карса, въ ту пору, какъ войска находились въ строю въ ожиданіи окончательнаго выхода турокъ изъ крѣпости, получено предписаніе генераль-адъютанта Муравьева, начинавшееся словами: „Не ожидалъ я отъ вашего превосходительства, чтобъ вы...“ и пр. Далѣе пояснялось, что главнокомандующему извѣстно еще по 1828 году, что Ардаганъ можетъ болѣе доставить продоволь-

ственныхъ средствъ, чѣмъ сколько ихъ тамъ теперь собрано. Но если замѣчательнъ такой переходъ въ *мысленныхъ* отношеніяхъ главнокомандующаго къ начальнику отряда, то едва ли не болѣе замѣчательно и характеристично то, что онъ же остался совершенно доволенъ, когда генералъ Базинъ доказалъ ему категорически, что условія, въ которыхъ находился Ардаганъ въ 1828 году, совсѣмъ не тѣ, какъ теперь, и что въ настоящее время, при тянувшейся три года войнѣ, нельзя было взять съ жителей большаго, не разрушая нашихъ хорошихъ къ нимъ отношеній.

Карсъ сдался. Всѣмъ виновникамъ этого событія — блокировавшимъ анатолійскую армію войскамъ — нечего было болѣе дѣлать теперь въ Малой Азіи: покрытыя снѣгомъ горы не давали возможности думать о наступательномъ движеніи къ Эрзеруму. Кромѣ гарнизоновъ, которые нужно было оставить на зиму въ болѣе важныхъ пунктахъ, остальные войска должны были вернуться на зимнія квартиры въ Закавказьѣ. Лично намъ также приказано было вернуться изъ Меликъ-Кѣя въ Ахалцыхъ.

Неблагоприятныя условія послѣдней стоянки располагали къ желанію возможно скорѣе воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ и добратъся до Ахалцыха, гдѣ можно было и отдохнуть отъ трудовъ предшествовавшей кампаніи, и обогрѣться надлежащимъ образомъ. Выславъ впередъ на перемѣну верховыхъ лошадей, мы отправились, 22-го ноября, съ двумя казаками, по восточную сторону Чалдыръ-Гѣля, направляясь напрямикъ по тропинкамъ въ долину Кара-Чая. Перемѣнивъ въ одной изъ здѣшнихъ деревень своихъ лошадей и слѣдуя далѣе черезъ Чалдырскій хребетъ по горнымъ дорожкамъ, уже заваленнымъ снѣгомъ, гдѣ не разъ приходилось падать вмѣстѣ съ лошадыю, мы добрались до Карзаха. Отсюда можно было направиться или по торной дорогѣ черезъ Ахалкалаки или по труднымъ тропинкамъ черезъ Хертвисъ; послѣдній путь былъ значительно короче. Но одинъ изъ сопровождавшихъ насъ казаковъ, бывавшій въ предшествовавшіе годы на постахъ пограничной съ Турціею кордонной линіи, взялся провести по дорогѣ еще болѣе короткой. Конечно, такое предложеніе было принято съ радостію. Однако дорога, по которой мы поѣхали, была въ иныхъ мѣстахъ едва-едва проходима. Переправа черезъ Куру была въ

особенности замѣчательна. Эта рѣка течетъ здѣсь въ чрезвычайно крутомъ и глубокомъ ущельѣ, такъ что хотя между верхними краями ея береговъ едва-ли будетъ болѣе двухъ верстъ, но намъ нужно было болѣе двухъ часовъ, чтобъ перебраться съ одного ея берега на другой. Само собою разумѣется, что спускаться по дорогѣ, идущей наризомъ надъ обрывомъ, можно было только пѣшкомъ, да и тутъ кружилась голова, едва взглянешь въ лежащую вправо пропасть; преодолѣть же противоположный подъемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти отвѣсный, нельзя было иначе, какъ только на лошади, привыкшей къ подобнымъ странствіямъ. Понятно утомленіе при такой дорогѣ. Между тѣмъ, казаки указываютъ на виднѣющійся вправо, верстахъ въ пяти, подземный городъ: это былъ знаменитый *Вардзіе*, о которомъ намъ удавалось и много слышать и читать прежде (*). Но не до разсмотрѣнія чудесъ природы или людскаго искусства и терпѣнія человѣку усталому, голодному и холодному, когда погода заставляеть спѣшить къ какому-нибудь теплomu уголку. Уже болѣе 20 часовъ были мы въ дорогѣ; наступила вторая ночь нашего путешествія; утомленіе доходитъ до того, что въ темнотѣ воображеніе, разыгравшееся на тему, что вблизи на-

(*) Приводимъ здѣсь краткое извлеченіе изъ сдѣланнаго этому городу описанія известнымъ путешественникомъ Дюбуа, бывшимъ въ Закавказьѣ въ 1838 г. (См. Voyage autour du Caucase, par Frédéric Dubois de Montpéroux. 1839. Tome II.)

Вардзі или *Вардзіе* по-грузински и по-армянски значить: *крѣпость розъ*. Въ одно и то же время городъ, цитадель, монастырь, *Вардзіе*, возвышаясь на лѣвомъ берегу Курмы отъ 4,000 до 5,000 фут., гораздо древнѣе времени царицы Тамары, для которой эта крѣпость розъ была любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ.

Вардзіе состоитъ изъ нѣсколькихъ ярусовъ пещеръ. На верхнемъ ярусѣ находится главный зданіе и skleпы вдоль узкой полосы земли, служившей въ то же время улицей. Самая значительная тутъ постройка, бросающаяся въ глаза, большой храмъ, посвященный въ скалѣ, какъ говорятъ, Тамарю. Въ немъ чудотворная икона Богоматери и гробница Тамары. Изъ ризницы этого храма подземный ходъ ведетъ въ верхній ярусъ, гдѣ посвячена другая церковь такой же величины, какъ и первая, и возвышающаяся надъ нею на 60 фут. За этой церковью начинается подземный, пробитый въ скалѣ, ходъ, посредствомъ котораго городъ сообщался съ дномъ ущелья р. Курмы, гдѣ находились въ прѣжнее время жомы для приготовленія вина.

По сторонамъ главнаго храма поков (лѣтніе и зимніе) царицы Тамары и ея двора; видѣтся также безчисленное множество пещеръ, изъ которыхъ одиѣ были лавками, магазинами, конюшнями, другія представляютъ обширныя помѣщенія.

Верхній рядъ теперь оканчивается скалистой платформой, на которой было достаточно мѣста для устройства церковной колокольни—единственной каменной постройки въ землѣ. Въ томъ же ряду, на одной изъ скалъ возвышалась цитадель, отъ которой не осталось и слѣдовъ.

Въ *Вардзіе* есть еще третья церковь, болѣе древняя, чѣмъ остальные, также посвященная въ скалѣ.

ходитса разныя развалины, видѣть какіе-то освященные заики, и только отвѣтъ казака, что нигдѣ огоньковъ нѣтъ, заставляетъ опомниться.... Въ это время начинается сильнѣйшій дождь и мы плетемся пѣшкомъ за вытребованнымъ въ одной изъ попутныхъ деревень на пути проводникомъ по узкой и скользкой тропинкѣ, по которой и привычной лошади нельзя довѣриться, безъ опасенія полетѣть въ кручу....

Наконецъ, въ глухую полночь, мы добрались до Ахалыкы, сдѣлавъ болѣе 125 верстъ въ 30 часовъ почти не слѣзая съ коня. Богатырской десятичасовой сонъ въ теплой квартирѣ товарищей вознаградила за дорогу и, лично для насъ, былъ послѣднимъ актомъ карской кампаніи.

И. Л. И.